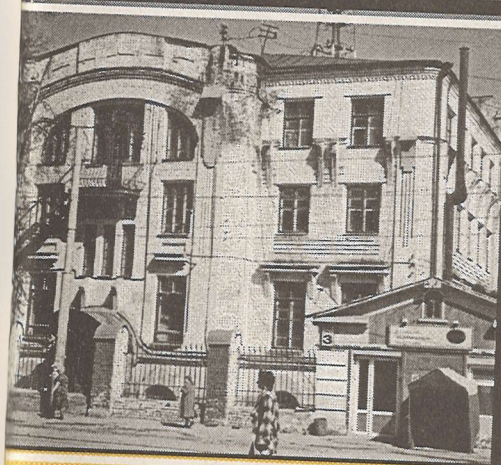

А. В. СЕДОВ

КУПЦЫ-СТАРООБРЯДЦЫ

БЛИНОВЫ

А. В. СЕДОВ

КУПЦЫ-СТАРООБРЯДЦЫ БЛИНОВЫ

Срудаменталнаго Библіотечнаго
Историческаго факультета за
многочетную творческую
дружелюбную помощь
С изтечением Аседа

Нижний Новгород
Нижегородский гуманитарный центр
2007

ББК 63.3(8)—(2Рос—2Ниж)
С28

В оформлении книги использованы фотоматериалы
А. В. Петенева, Н. И. Пиняковой, С. Н. Синицына
и из архива автора

Седов, А. В.
С28 Купцы-старообрядцы Блиновы / А. В. Седов. —
Н. Новгород : Нижегородский гуманитарный центр,
2007. — 57 с.

ISBN 978-5-7565-0286-2

Блиновы являлись яркими представителями старообрядческого бизнеса, а он был и остается загадкой отечественной истории. Автор данного исследования пытается раскрыть эту тайну, показать, как, гонимые царской властью и официальной церковью, старообрядцы сотворили экономическое чудо: создали в стране самую эффективную промышленность, чем помогли России выйти на передовые рубежи мировой экономики. В этом немалая заслуга принадлежала и братьям Блиновым, которые подарили Нижнему Новгороду новый водопровод и учредили уникальный общественный банк, а также построили ряд красивых, добротных зданий.

ББК 63.3(8)—(2Рос—2Ниж)

ISBN 978-5-7565-0286-2

© Седов Андрей Васильевич, 2007

© Нижегородский гуманитарный центр, 2007

Старообрядческий бизнес — загадка российской истории

Староверы — это изгои России, гонимые властью и особенно официальной церковью. И тем не менее именно они явили пример наиболее успешного бизнеса. По новейшим исследованиям, до революции старообрядцам принадлежало более 60 процентов российского капитала [1]. Самыми выдающимися купцами Нижнего Новгорода были старообрядцы Бугровы и Сироткины. Не менее известными были Блиновы.

Для нижегородцев фамилия Блиновых, что называется, на слуху. Все знают Блиновский садик у речного вокзала. Хотя местные власти давно его переименовали, но жители города традиционно придерживаются старого названия. Всем известен Блиновский пассаж — самое большое и красивое здание на Рождественской улице против речного вокзала. А вот других «знаковых памятников» Блиновых горожане затрудняются назвать. Все объясняется тем, что изучать купеческую историю, тем более старообрядческую, крайне трудно. Блиновы не оставили семейного архива: все свои дела они вели по тогдашней купеческой традиции с помощью устных договоренностей, при этом строго их соблюдая. Да и всевозможные гонения на старообрядцев побуждали купцов избегать бумажного делопроизводства.

Тем не менее краеведы, преодолевая эти трудности, настойчиво пытаются разгадать блиновскую историю. Немало внимания уделял им И. А. Макаров. Правда, с его оценкой Блиновых не всегда можно согласиться. Так, объясняя «очень быстрый рост блиновских капиталов», он упрекает старшего и наиболее активного из братьев Блиновых, Федора Андреевича, в деловых махинациях, который «при удобном случае не прочь был и обмануть не в меру доверчивых партнеров». Автор даже назвал его «беспринципным торговцем» [2]. Но И. А. Макаров не может не знать, что Блиновы были старообрядцами, которые, как правило, строили свой бизнес на этике «труда благого»: обман счи-

тался грехом непростительным. Допустим, что иногда Федор Андреевич и соблазнялся подобными возможностями, но не они определяли основное направление блиновского бизнеса, иначе единоверцы строго осудили бы это.

Исходя из этики «труда благого», старообрядцы брались не за всякое дело, каким бы выгодным оно ни было, а лишь за дела полезные людям и, следовательно, угодные Богу. В те годы самыми доходными были винные откупа — выкуп у государства-монополиста права на торговлю водкой. На этом многие нажились. Не гнушались этим несправедливым делом и «благородные» дворяне. Так разбогател владелец Сормовских заводов, дворянин, грек на русской службе Бенардаки. Питейными откупами занимался и отец декабриста-нижегородца М. П. Бестужева-Рюмина [3].

А вот старообрядцы «пьяной копейкой» не соблазнились. Понимали, что она народное зло, тем более что сами в рот не брали хмельного. В своих воспоминаниях В. Г. Короленко, который 10 лет прожил в Нижегородской губернии под надзором полиции, пешком обошел все ее края, особенно любил старообрядческое Заволжье, засвидетельствовал, что из кержачков лишь один соблазнился «пьяной прибылью». Единоверцы тут же от него отшатнулись как от прокаженного [4].

Так что старообрядческий бизнес держался на высокой нравственной основе. И не случайно А. И. Солженицын, анализируя дореволюционную экономику страны, отметил, что «старообрядцы дали России честных и богобоязненных купцов» [5]. Старообрядцы сыграли в развитии России примерно такую же роль, как протестанты на Западе. Но полного тождества между ними нет, потому что старообрядчество нравственно превосходило протестантизм, ибо целью протестантов являлся чистоган, прибыль, а у старообрядцев — благо людей. Недаром благотворительность наиболее щедро проявилась именно у купцов-старообрядцев.

Так что старообрядческое предпринимательство — феномен российской истории, который следует внимательно изучать, чтобы извлечь из него полезный исторический опыт, очень важный теперь, когда в стране так трудно формируется отечественный бизнес. А поскольку многие современные деловые люди претендуют на лавры наследников лучших традиций дореволюционного купечества, им будет полезно знать, как слагался его авторитет в деловом мире и популярность в народе.

На бытовом уровне старообрядчество обычно сводят к фор-

мальной, обрядовой стороне: крещение себя двоеперстием вместо троеперстия, земной поклон вместо поясного, обособленное питание, скромные моленные дома вместо роскошных храмов, простые захоронения вместо пышных похорон и прочие обрядовые различия. Но все это лишь внешние проявления старообрядчества. Суть церковного раскола XVII века лежала значительно глубже. И учинили его не старообрядцы, а патриарх Никон. Это он расколол церковь, свалив вину на своих противников, гнусно обозвав их «раскольниками».

Старообрядчество — это идейный протест против пагубной политики царской власти, закрепостившей крестьян в 1649 году на вечное рабство. А старообрядцы отстаивали порядки, существовавшие до крепостного права. Закрепостив крестьян, царизм унизил труд, особенно физический, довел его до каторжного истязания. Старообрядцы же возвеличивали труд до богоугодного дела, поставили его выше молитвы. По их суждениям, молитва без труда пуста и суетна, порождает тунеядство. А вот труд на общее благо — самая богоугодная молитва. На такое соотношение труда и молитвы настраивал старообрядцев протопоп Аввакум, внушавший им, что «без дела и молитва не пользует» [6]. Идею труда как главной молитвы разделял и Ф. М. Достоевский, призывавший: «Обретите Бога в труде!» [7]. Вот на такой богословской идее и строилась у старообрядцев этика «труда благого», куда они относили торговлю и промышленность.

Старообрядцев насторожили претензии патриарха Никона на верховенство церковной власти над светской. Это грозило большой бедой для Руси, образованием в стране двоевластия, которое, кстати, ослабило и погубило Византию. Там постоянно был спор между патриархом и императором: кто главнее... Эти «разноречия» византийских властей отразились и в гербе с уродливым двуглавым орлом, который унаследовала Россия. Видимо, эти опасения старообрядцев дошли и до царя Алексея Михайловича. Он счел Никона опасным для себя и заточил его в монастырь. А вот гонения на старообрядцев, к сожалению, продолжал, не учитывая того, что они были самыми здравомыслящими людьми своего времени, наиболее передовыми по своим политическим воззрениям. Царизм, закрепостив крестьян, завел страну в социально-экономический тупик. Старообрядцы же отстаивали прогрессивное развитие России. Вот и не согласилась с такой политикой царизма значительная часть

населения, наиболее активная и предприимчивая. Так что именно старообрядцев можно считать подлинными патриотами России, потому что они отстаивали прогрессивное направление ее развития. Если бы отец Петра I прислушался к ним, а не к патриарху Никону, можно полагать, что не было бы на Руси крепостного права и развивалась бы Россия успешнее, без революций и гражданских войн с их неисчислимыми жертвами. Не случайно именно из унижаемой и гонимой старообрядческой среды и начало формироваться российское предпринимательство.

Откуда Блиновы родом?

Они вышли из крепостных крестьян села Николо-Погоста Балахнинского уезда. Село это древнее, с таинственным названием и происхождением.

В современном понимании слово «погост» — это кладбище. Но в древности, во времена Киевской Руси, оно имело иное значение. Первые киевские князья собирали налоги (дань) методом «полюдь»: вместе с дружиной объезжали людей, взимая дань деньгами или натурой, кто как сможет. Но князь Игорь пожадничал, попытался взять с кривичей дань дважды, за что и был в 945 году убит. Его жена Ольга оказалась мудрее. Она провела финансовую реформу, заменила полюдь погостами: специально определенными пунктами, куда жители сами свозили дань, а княжеские дружинники ее забирали.

Вот, видимо, один из таких пунктов и появился в устье Узолы. Для охраны княжеской дани в погосты ставились княжеские дружинники. Под их защитой погосты заполнялись жителями, становились крупными селами, в которых развивались ремесла и торговля. С развитием Российского государства погосты утратили свое первоначальное фискальное значение, зато развилась их торговая миссия. Кстати, торговые люди в древности именовались гостями, то есть торговавшими на погостах. По словарю В. И. Даля, «гость — иноземный или иногородний купец, торгующий не там, где проживал» [8]. В условиях феодальной раздробленности Руси почти каждый купец был иностран-

цем — «гостем». Такое обращение к торговым людям звучит и в сказках А. С. Пушкина:

Князь Гвидон зовет их в гости.

Их и кормит, и поит,

И ответ держать велит:

«Чем вы, гости, торг ведете

И куда теперь плывете?»

Примерно до XVII века поселение в устье Узолы именовалось просто Погостом. Это было крупное торговое село. Его торговые обороты привлекли внимание православной церкви, и она поставила в нем три храма. Первой была церковь Николы Чудотворца, по имени которой село и стало Николо-Погостом. Три православных храма в одном селе! А ведь местные жители все были старообрядцами и, естественно, эти храмы не посещали...

Значит, строились эти церкви для людей торговых, прибывавших на базары этого села. И, надо полагать, прибывало их немало, если на доходы от них могли кормиться три церковных причта. Так Николо-Погост вырос в большое торгово-промышленное село с оживленным, регулярно работавшим базаром. К слову, наименование торговых сел погостами встречается и в наши дни. На моей родине, в Вязниковском районе Владимирской области, большое торговое село Никологоры жители окрестных деревень до сих пор называют Погостом.

Село Николо-Погост экономически выгодно расположено на перепутье между Городцом и Балахной, которая с древности славилась соляными варницами, требовавшими много топлива. Леса на правом берегу Волги были уже истощены, и основным поставщиком дров стало лесное Заволжье, где заготавливались огромные клети строевого и дровяного леса, а весной на паромов переправлялись из Николо-Погоста в Балахну.

Жители Николо-Погоста не могли прокормиться своим хлебом, потому что, как признавался П. И. Мельников-Печерский, сам выросший в этих краях, «в лесном Заволжье земля холодна и неродима, своего хлеба мужику разве до Масленной недели хватает, и то в урожайный год. Как ни бейся на надельной полосе, сколько страды над ней не принимай, — круглый год трудовым хлебом себя не прокормишь... Нужда заставляла непременно заниматься ремеслами» [9]. Развивая эту мысль, известный краевед

А. С. Гациский констатировал, что «...за Волгой без какого-нибудь промысла, с одной землей ничего не поделаешь, своим хлебом и до Рождества не прокормишься» [10].

Вот и были жители Николо-Погоста мастерами на все руки: и умелыми строителями, и кудесниками народных промыслов, и смекалистыми торговцами. И все они твердо придерживались «старой веры», хотя власть за это, как говорится, драла с них три шкуры: все налоги в двойном размере, а при Петре I еще по 50 рублей в год за право носить бороду, тогда как хорошая лошадь стоила 5 рублей, корова 3 рубля. Кряхтели кержаки, но платили, потому что не могли осрамить себя «скобленным рылом», ибо, по их этике, борода — образ божий [11]. До 1905 года старообрядцы были политически бесправны. Им запрещалось занимать не только государственные, но и общественные должности, к примеру сельских старост, хотя крестьяне именно их предпочитали, потому что старообрядцы «хмельного в рот не брали». Да и детей в государственные и церковноприходские школы не принимали.

Долгое время Николо-Погост считался селом государственным, а казенным крестьянам жилось полегче, чем помещичьим: оброк поменьше, свободы побольше. Но в 1797 году Павел I пожаловал Николо-Погостинскую волость выдающемуся полководцу и дипломату, сподвижнику легендарного А. В. Суворова, герою штурма Измаила, фельдмаршалу князю Н. В. Репнину. Но он, как и Суворов, не угодил неуравновешенному императору, и его буквально через год уволили в отставку. Было ему 64 года, за плечами огромный воинский опыт, мог бы плодотворно служить на благо России. Но, скрепя сердце, вынужден был удалиться в Николо-Погост, где его старость скрашивали внуки — дети дочери Александры, бывшей замужем за князем Григорием Волконским.

Отставного фельдмаршала радовало, что внуки пошли по его стезе. Но беспокоила судьба своей княжеской фамилии. Сыновей у него не было, а дети дочери были уже Волконскими — фамилия древняя, знаменитая. Но он сумел возвысить на княжеский уровень фамилию Репниных, вписал ее в боевую историю России. Перед самой смертью, в 1801 году, добился у нового императора Александра I дозволения передать свою фамилию старшему из внуков — Николаю Григорьевичу, завещав ему и свое николо-погостинское имение [12].

С новыми владельцами села николо-погостинцам, можно сказать, повезло. Репнины не были закоренелыми крепостниками, придерживались взглядов либеральных. На воинской службе достигли значительных высот и в крестьянском оброке не особенно нуждались, и потому оброк с николо-погостинских крестьян был умеренным. Н. Г. Репнин разделял взгляды декабристов и на основании указа Александра I «О вольных хлебопашцах», разрешавшего помещикам на добровольных началах «отпускать крепостных на волю», раскрепостил целую группу своих наиболее рачительных крестьян. В их числе были и Блиновы, поэтому они и значились по документам «вольнотпущенными князей Репниных» [13].

Нижегородское гнездо Блиновых

Блиновы переселились в Нижний Новгород в 1840 году — это зафиксировано в «Альбоме участников Всероссийской выставки 1896 года». Перебрались большой семьей: глава Андрей (к сожалению, отчество установить пока не удалось) с женой и трое холостых сыновей: Федор, Аристарх и Николай. Прибыли не с пустыми руками, потому что буквально с ходу записались в нижегородское мещанство, а вскоре и в купечество. Это убедительно свидетельствует об изначальной состоятельности Блиновых, потому что такие сословные перемещения требовали немалых денег. С 1826 года гильдейский сбор за «выход в мещанство» стоил 2000 рублей, а в купечество 5000 рублей с души [14]. Следовательно, блиновская семья уже в Николо-Погосте скопила достаточно денег, чтобы заплатить сначала мещанские, а затем и купеческие гильдейские сборы. Для сравнения можно сослаться на пример Бугровых, которые в это же время, в 1838 году, переехали из деревни в Нижний Новгород. Но ни в мещанство, ни тем более в купечество первый Бугров, Петр Егорович, не вступил и до смерти оставался городским крестьянином. Значит, Блиновы изначально были состоятельнее Бугровых.

Обосновались Блиновы на самом бойком месте Нижнего

Родительский дом Блиновых
(Рождественская, 35)

Новгорода — на главной торговой улице города — Рождественской, в ее центральной части — на Софроновской площади. Она так именовалась по семеновскому купцу Е. Софронову, имевшему здесь хозяйственные строения и финансировавшему благоустройство площади. Блиновы купили большой квартал городской земли, простиравшийся от Софроновской площади до Городецкого переулка, заплатив за него

городской думе, разумеется, немалые деньги. Вот на этой выгодной площадке Блиновы и развернули свои нижегородские дела, образовав «блиновское гнездо в Нижнем».

Прежде всего поставили отчий дом, который и по сей день украшает начало «блиновского квартала», на углу Софроновской площади и улицы Рождественской под номером 35. А затем довольно быстро окружили этот квартал жилыми и доходными домами, магазинами и лавками, лабазами и складами. Внутри этого квартала построили торговый рынок, вход и въезд на который «сторожили» железные ворота с литерами «Б», что означало блиновскую принадлежность. Следовательно, Блиновы занялись в Нижнем тем же, чем и в Николо-Погосте, — торговлей, главным образом хлебом и солью, что вполне соответствовало старообрядческой деловой этике «труда благого».

Занимались этим в основном сыновья Блинова-старшего. У них сложилась дееспособная семейная кооперация с разумным распределением труда, которую они официально оформили как фирму «Братья Блиновы». Возглавил ее старший брат Федор. Вместе с младшим братом Николаем они взяли на себя транспортные операции по заготовке хлеба и соли. А средний брат, Аристарх, занимался делами торговыми. Федор

Дом Ф. А. Блинова
(рядом с домом родителей)

Блинов так умело повел дела, что получил от купцов-конкурентов лестное прозвище «метла»: проедет по Волге с низовьев до Рыбинска и денежными залогами весь хлеб «подметет», а потом выгодно перепродает. По рассказам старожилов, такой расторопности Федора позавидовал основатель бугровской фирмы Петр Егорович. Он говорил: «Мне бы такого сына, всю бы Волгу купил!» [15]. Свои торговые операции Блиновы развернули столь широко, что вышли за пределы Нижегородской губернии — в Казань, Москву, Санкт-Петербург.

Для такого коммерческого размаха требовался солидный транспорт. Естественно, в то время только речной. И он у Блиновых был. А вот о его количестве и качестве у краеведов разные мнения. Так, С. Варенцов и И. Казаев все блиновские суда считают пароходами. Но такие суда только что начинали появляться на Волге, и у Блиновых их не было. Они пользовались коноводками, передвигавшимися конной тягой. Для того времени они были технической новинкой водного транспорта, существенно повысившей его производительность. Грузоподъемность барж на бечевой (бурлацкой) тяге не превышала 35 тысяч пудов, а коноводки брали в свои трюмы до 500 тысяч. И двигались они значительно быстрее: если бурлаки проходили не более 5 верст в день, то коноводки до 30 верст. Потому они весьма быстро вошли в практику волжского судоходства: если в 1836 году их было всего 36, то через 10 лет стало уже 200 [16].

В разработке этой транспортной новинки большую роль сыграли наши земляки: известный механик-самоучка И. П. Кулибин и крестьянин села Кадницы М. Сутырин. Разумеется, со временем появятся у Блиновых и паровые суда.

В блиновском бизнесе немалую роль играла соль, считавшаяся вторым продуктом на столе, что зафиксировал народный обычай встречать дорогих гостей хлебом-солью, а незваных выпроваживать «не солоно хлебавши». Блиновы соль не только перевозили и продавали, но и перерабатывали. С мест добычи она нередко поступала крупнозернистой, комковатой и даже каменной. Чтобы превратить ее в пищевую, Ф. А. Блинов поставил на своем подворье единственную в России солемольную мельницу. Она стала достопримечательностью города — жители почтительно именовали ее солемольным заводом. Работала она на конной тяге, обслуживали ее восемь рабочих с четырьмя лошадьми. Мельница перемалывала в год до 600 тысяч пудов

астраханской соли, добывавшейся в соляных озерах Эльтон и Баскунчак [17]. Этот факт зафиксировал в своем «Описании Нижнего Новгорода» основоположник нижегородского краеведения Н. И. Храмцовский: «Вся сторона на Софроновской площади между Рождественской улицей и набережной занята домами купца Блинова с лавками, где устроена домохозяином конная мельница для размолки эльтонской соли, которою он ведет значительный торг».

Визиты цесаревичей в Нижний

Эта мельница сыграла важную роль в карьере Ф. А. Блинова и в жизни Нижнего Новгорода. В 1861 году наш город посетил наследник престола цесаревич Николай Александрович, совершавший ознакомительное путешествие по Волге. Был он человеком любознательным и демократичным. Нижний ему понравился, и он пожелал подробнее познакомиться с его достопримечательностями. Тогдашний губернатор бывший декабрист А. Н. Муравьев определил экскурсоводом наследнику П. И. Мельникова-Печерского, отлично знавшего город и тоже настроенного демократично. Он и привел цесаревича к Блиновым, чтобы показать образцово поставленное предпринимательство.

А Федор Андреевич Блинов блестяще этим визитом воспользовался, умело развернув перед наследником то, что теперь именуется менеджментом, то есть свою деловую коммуникабельность, способность организовать рентабельное производство. Блинов подробно объяснил цесаревичу устройство мельницы, наглядно продемонстрировал способ ее работы. Наследник был буквально очарован образцовой постановкой дела и, как выразился современник, «обласкал» Федора Андреевича, даже пожелал познакомиться с его семьей и приказчиками. И это в то время, когда старообрядцы были гонимы властями! Нетрудно понять, как были озадачены местные чиновники и как это, можно сказать, облегчило положение старообрядцев Нижегородской губернии.

От мельницы цесаревич прошел на ближайшую хлебную пристань, где поднялся на блиновскую коноводку. Поинтересовался ее устройством, даже спустился в трюм, где находился груз муки в 60 тысяч пудов. Подробно расспрашивал о способах погрузки и разгрузки, о паузах на речных мелях, о содержании судорабочих и коней. При этом дотошно расспрашивал рабочих о их быте и заработках, и даже посетил каюту приказчика коноводки.

Затем цесаревич перешел на баржу, груженную пшеницей насыпью. Ему показали, как разгружаются такие суда: крепкие нижегородские грузчики чуть ли не бегом таскали 9-пудовые кули. Наследник так залюбовался волжскими богатырями, что пожаловал каждому из них по полумпериялу (империял — золотая монета в 10 рублей). Это был воистину царский подарок! Собравшиеся жители горячо приветствовали царский жест наследника: «До всего доходит!», «Всё хочет сам знать!», «Любит мужика!».

Такая внимательность наследника престола к его купеческим делам в условиях, когда власти купцов, тем более старообрядцев, не очень то жаловали, буквально потрясла Федора Андреевича. И он не преминул обратиться к цесаревичу с выражением глубочайшей благодарности: «Ваше Императорское Высочество! 139 лет тому назад на берегу Волги, на том месте, где теперь стоит мой дом, Петр Великий с топором в руках работал на верфи, разделяя труд со своими подданными... Осматривая мою коноводную машину, соляную мельницу и барки с хлебом, вы были везде... Вы все хотели видеть своими глазами».

И свою признательность царской благосклонности Федор Андреевич выразил

Блиновский дом по Нижне-Волжской набережной, замыкающий блиновский рынок

Ворота в Блиновский рынок

пожертвованием 25 тысяч рублей на учреждение в Нижнем Новгороде общественного банка. Он попросил у наследника соизволения назвать этот банк его именем — Николаевским. «Не отриньте, Ваше Императорское Высочество, — писал Блинов, — усердной просьбы простого русского человека, вышедшего из тех крепостных, которых благодаря Богу и Вашему Августейшему родителю не стало более на Русской земле» [18].

Видимо, цесаревичу очень приглянулся Нижний Новгород, и он через год, в 1863 году, заглянул к нам еще разок. На этот раз он прибыл в Нижний пароходом, бывшим тогда новинкой речного транспорта. Естественно, местные власти и купечество всячески угождали цесаревичу. Им удалось поймать огромного осетра с золотой серьгой, укрепленной в правой жабре. Эта «отметина» была сделана в честь посещения Нижнего Новгорода Петром I. Осетр тогда был пойман, помечен золотом и по приказу императора отпущен в Волгу. И вот теперь, через 140 лет, осетр-ветеран «пришел» поздравить далекого потомка великого императора с новой эпохой раскрепощенной России. Скорее всего, это легенда, но русский народ всегда жил надеждами на доброго и справедливого царя. В 1885 году этот осетр снова попался в рыбацкие сети в низовьях Волги. Местный губернатор, разделяя народную легенду о царском любимце, выкупил его у рыбаков по двойной цене и снова отпустил в Волгу...

Внимание наследника престола на этот раз привлекло следующее. Прежде всего он залюбовался продуманной планировкой Нижегородской ярмарки. Всю ее внимательно осмотрел и даже спускался в подземные галереи, вымывавшие ярмарочный мусор и нечистоты. Специально посетил цесаревич и пригородное село Подновье, где местные огородники владели таким искусством засолки огурцов, что за ними приезжали московские гурманы. По народным преданиям, даже «великий князь Тавриды» Потемкин приказывал доставлять ему подновские огурчики в Крым. Здесь же домовитые хозяйки умели готовить на патоке изумительное варенье под названием «Киевское». Видимо, хранили они какой-то древний рецепт, вывезенный переселенцами из Киевской Руси. Будучи любознательным, цесаревич пожелал полакомиться этими разносолами и пряностями.

И очень жаль, что этот прогрессивно и демократично настроенный престолонаследник, с которым было связано множество прогрессивных надежд, тяжело заболел и вынужден был

отказаться от права на перстол в пользу младшего брата Александра, и вскоре, в 1865 году, скоропостижно скончался.

Для нижегородцев это была особенно скорбная утрата. Они долго хранили добрую память о визите цесаревича, который стимулировал местное предпринимательство, изменил отношение власти к старообрядцам.

В 1869 году Нижний Новгород посетил новый наследник престола — Александр Александрович, младший брат покойного Николая Александровича. Надо полагать, он этим шагом повторял плодотворный визит брата. Вот ему нижегородцы и вручили 26 тысяч рублей добровольных пожертвований на сооружение в столице храма памяти бывшего цесаревича Николая Александровича. Вот как высоко чтит нижегородцы память безвременно погибшего наследника Николая Александровича [19].

Общественный банк

Блиновская инициатива общественного банка явилась не простой благодарностью купца-старообрядца наследнику престола за внимание к его бизнесу, а деловым осознанием жизненной потребности в таком учреждении. Идея муниципальных банков возникла еще при Екатерине II. Учредив городское самоуправление, она в 1785 году разрешила местным властям открывать такие банки на добровольные пожертвования. Но дело это было новое, двигалось медленно. К концу XVII века муниципальные банки появились лишь в Вологде и Вятке, то есть на торговых путях в Архангельск, на Урал да в Сибирь [20].

А между тем потребность в таких кредитных заведениях нарастала, особенно с отменой крепостного права, когда к предпринимательству потянулись раскрепощенные крестьяне, нуждавшиеся в деловых кредитах. Существовавшая тогда банковская система была в основном дворянской, крестьянам недоступной. Требовалась новая кредитная система, которая помогала бы начинающим бизнесменам, что называется, стать на ноги. Ф. А. Блинов на себе испытал эту потребность

и умело воспользовался визитом наследника для реализации своей идеи.

Нижегородская общественность горячо поддержала инициативу Ф. А. Блинова. К сожалению, это полезное и нужное дело, как всегда, притормозили чиновники. Их насторожило старообрядческое происхождение этой инициативы. Кроме того, они столкнулись с желаниями других городов поддержать эту полезную идею — иметь у себя общественные банки. Чтобы придать этому насущному процессу единообразие, правительство разработало «Примерное положение о городских общественных банках». По этому документу основной капитал таких учреждений должен составлять не менее 10 тысяч рублей. Общественные банки ставились под контроль городских дум, перед которыми отчитывались. Таким банкам доверялись следующие операции: прием вкладов, учет векселей, ссуды под залог, покупка и продажа ценных бумаг. Доход распределялся таким образом: 10—18 процентов в резервный капитал, все остальное — на нужды города.

В результате бюрократических проволочек открытие общественного банка в Нижнем Новгороде подзадержалось. Но заинтересованная в нем общественность, особенно купеческая, настояла, и в 1864 году банк открылся, и нарекли его, как и было обещано, Николаевским. Первым директором банка единодушно избрали Ф. А. Блинова. В знак уважения к его заслугам в этом деле в офисе банка поместили поясной портрет Федора Андреевича. К сожалению, после революции он бесследно исчез [21].

Банк сразу стал популярным. Помимо 25 тысяч рублей, пожертвованных Ф. А. Блиновым, 100 тысяч рублей вложила городская дума и на 25 тысяч рублей предоставил беспроцентную ссуду купец М. Г. Рукавишников. Общественные банки — феноменальное явление в истории России. Именно они сделали финансово-кредитную систему страны массовой. С ее помощью феодальная Россия преобразовалась в страну с рыночной экономикой, которая вывела наше Отечество на самые передовые позиции мирового хозяйства, особенно в промышленности.

Банк с первого же года заработал рентабельно. Даже в 1864 году, по истечении всего полугода, он принес 2000 рублей чистой прибыли. А в 1865 году уже 9379 рублей, в следующем году — 26 461 рубль. Причем все это в серебре. Такие успехи Николаев-

ского общественного банка столь существенно возвысили авторитет Ф. А. Блинова, что в 1866 году нижегородцы практически единогласно избрали его городским головою, то есть мэром современному. Но это оказалось политическим шоком для царской бюрократии. По ее законам избирать раскольников не дозволялось даже в деревенские старосты. А тут — мэр города, да не рядового, а «кармана России»! Перепугал Ф. А. Блинов тогдашнюю бюрократию. Министерство внутренних дел не утвердило демократический выбор нижегородцев, не допустило умного и делового старообрядца к управлению важнейшим экономическим центром страны. А жаль, деловая хватка Ф. А. Блинова была бы полезна и Нижнему Новгороду, и России в целом. Сознавая всевластие бюрократии, Федор Андреевич протестовать не стал, а, поблагодарив нижегородцев за честь и доверие, сам попросил отставки, скромно сославшись на перегруженность предпринимательскими делами. Он переместил свой бизнес в соседнюю Казанскую губернию, где гонений на старообрядцев было меньше, потому что местным властям хватало забот с мусульманами.

Ф. А. Блинова царская власть унижала и третировала. А блиновская идея общественных банков, можно сказать, победно шествовала по стране. К 1913 году в России было 128 таких банков, в том числе 7 банков в Нижегородской губернии: в самом Нижнем, Арзамасе, Балахне, Васильсурске, Лыскове, Павлове и Семенове. Следовательно, купец-старообрядец Ф. А. Блинов оказался предпринимателем прозорливым, своевременно определившим насущную потребность и перспективность новой формы банков, призванных удовлетворять не потребительский спрос на деньги, как это делали банки дворянские, а спрос производительный, удовлетворявший потребности предпринимательские, быстро нараставшие после отмены крепостного права.

Федор Андреевич Блинов помог и становлению в Нижнем Новгороде банка государственного. Нижегородцы, особенно купечество, долго этого добивались. В 1865 году они обратились к министру финансов с просьбой открыть в Нижнем постоянную контору Госбанка, потому что до этого практиковались конторы выездные, только на время работы ярмарки, то есть всего на месяц. Два года министр раздумывал и в 1867 году согласился. При этом он поставил условие, что новое отделение

Госбанка будет «содействовать посредством краткосрочного кредита развитию отечественной торговли, промышленности и сельского хозяйства». А нижегородцам ничего иного и не требовалось. Они это условие охотно поддержали. И 16 июля 1868 года разрешение на открытие в Нижнем Новгороде постоянного отделения Госбанка было получено. Естественно, возникла проблема: где его разместить? И снова выручил Ф. А. Блинов. На Софроновской площади, рядом с домом родителей стоял его дом, фактически пустой, потому что семьи у него не было. Вот он и сдал этот дом в аренду под нижегородскую контору Госбанка (теперь в этом здании разместилось кафе-бар «Рим»).

А главное детище Ф. А. Блинова — Николаевский общественный банк исключительно много сделал для развития Нижнего Новгорода. Стабильно получая высокую прибыль, он стал для городской думы главным спонсором ее социальных расходов на лечебницы, богадельни и учебные заведения, то есть нес на себе, выражаясь современно, всю «социалку» города. Его прибыль распределял не сам банк, а городская дума. Так, прибыль 1880 года в сумме 90 186 рублей была распределена следующим образом:

- 20 тысяч рублей на устройство городского водопровода,
- 3000 рублей на содержание Николаевской богадельни,
- 4800 рублей на содержание Мининской богадельни,
- 2600 рублей на поддержание Александровской женской богадельни,
- 500 рублей церковному причту этой богадельни,
- 900 рублей на содержание городской общественной библиотеки,
- 4200 рублей на содержание городских училищ,
- 5000 рублей Кулибинскому ремесленному училищу,
- 1800 рублей детским приютам,
- 800 рублей на содержание лечебницы детских приютов,
- 2000 рублей на содержание родовспомогательного заведения (роддома),
- 3000 рублей на содержание Мариинской женской гимназии,
- 2000 рублей на содержание ремесленных классов при Первом детском приюте,
- 300 рублей в пособие духовному братству Кирилла и Мефодия,

1800 рублей на приданое бедным девицам при выходе в замужество,

5807 рублей 10 копеек на пристрой к зданию Мининской богадельни,

450 рублей 93 копейки в доход города, отчисляемый по 0,6 процента с прибыли.

В совокупности эти отчисления из прибыли банка составили 58 958 рублей — 65 процентов банковской прибыли. Остальная часть прибыли в сумме 31 228 рублей выделена на пополнение капиталов банка. Так что Николаевский общественный банк и свои позиции укреплял, и городу щедро помогал.

В 1889 году приближалось 25-летие банка. Городская дума, преисполненная глубокой признательности этому надежному источнику городского хозяйства, решила достойно отметить такое событие. Жаль, что учредителя банка, Ф. А. Блинова, уже не было — он скончался в 1882 году. Городская дума заблаговременно, в 1887 году, сформировала юбилейную комиссию, которая проанализировала работу банка за 24 года. Вывод оказался впечатляющим. За этот срок основной капитал банка умножился более чем в 20 раз — с 25 тысяч до 527 541 рубля. За эти годы банк выделил на устройство городского водопровода 174 тысячи рублей, на благотворительные заведения 290 868 рублей, на учебные заведения 224 876. В целом банк выделил на различные городские расходы за 24 года свыше миллиона рублей.

Трудным для банка были голодные 1891—1892 годы. Массовый неурожай поразил практически всю Нижегородскую губернию, особенно ее хлеботородные уезды. Население голодало, предприниматели разорялись. Это неизбежно сказалось на оборотах банка, они резко сократились. В 1892 году его чистая прибыль упала до 6952 рублей 56 копеек и ее пришлось целиком списать на пополнение основного капитала. Ни на какие другие расходы у банка средств не было. Но общественный банк оставался жизненно необходимым нижегородцам, и они его спасают. Первыми на выручку пришли братья Аристарх и Николай Блиновы. Они вложили в основной капитал банка 114 тысяч рублей, чем и оживили его деятельность. Благодаря такой деловой поддержке Николаевский общественный банк быстро оправился и с 1895 года снова стал получать прибыль.

Первоначально банк помогал городу отчислениями со своей прибыли. Но со временем, когда городское хозяйство расшири-

Общественный банк
(Рождественская, 6)

лось, таких отчислений стало не хватать и городская дума начала прибегать к займам в этом банке на свои наиболее крупные расходы. Все началось с прокладки в 1878—1880 годах нового городского водопровода. Тогда основные расходы взяли на себя купцы-старообрядцы Блиновы, Бугровы и Курбатов. Но и городской думе пришлось позаимствовать на это дело 187 тысяч рублей в общественном банке.

Практика таких кредитов в собственном доме, безусловно, понравилась городской думе, и эти займы стали быстро нарастать. В 1878 году на 30-тысячный кредит дума начала реконструкцию торговых рядов Верхнего посада, которые полукольцом окружали Мытный рынок. Благодаря кредитам этого банка в городе в 1898 году появился трамвай.

Чтобы как-то отблагодарить Николаевский городской общественный банк за огромную помощь городу, городская дума наконец-то решила его затянувшийся «квартирный вопрос». 40 лет этот банк ютился в неудобном помещении на Магистратской улочке в Скобе, квартируя на пару с Мещанской управой. Место явно не престижное. А у банка такие заслуги перед городом!.. И городской голова А. М. Меморский наконец-то решил этот вопрос. В 1901 году истек срок аренды купцом Готовкиным бывшего здания купца Ф. П. Переплетчикова, пожертвованного городу. Оно стоит на Рождественской улице под номером 6. На это престижное место было немало претендентов. Но А. М. Меморский, как дальновидный глава города, решил вопрос в пользу Николаевского общественного банка. Правление банка с благодарностью приняло такое разумное решение, добротой отремонтировало запущенное помещение и уютно в нем расположилось.

На такой роскошный подарок городской думы Николаевский банк ответил расширением кредитов городу. В 1901 году он выделил на городские нужды 42 тысячи рублей, в 1902-м — 52 200, в 1903-м — 100 тысяч, в 1904 году — 187 600 рублей. Даже в условиях первой русской революции, усложнившей работу

Николаевского банка, он продолжал активно финансировать городское хозяйство, выделив в 1905 году 186 600 рублей, а в следующем году — 181 900.

После революции, когда П. А. Столыпин твердой рукой навел в стране порядок, начался экономический подъем. Финансовые обороты общественного банка быстро возросли, и его кредиты городскому хозяйству умножились: в 1907 году — 273 700 рублей, в 1908-м — 226 200.

Успешно завершился для Николаевского общественного банка предвоенный 1913 год: его капиталы превысили миллион рублей. Из чистой прибыли банк погасил все долги городского бюджета, а городская дума, вдохновленная такими результатами работы Николаевского общественного банка, составила новое расписание распределения его прибыли на следующий год. Она разделила банковские расходы для города на две части: обязательную и необязательную (в зависимости от доходности банка). К числу обязательных дума отнесла:

1. 6729 рублей в пособие казне на содержание Владимирского реального училища. Его здание стоит на Большой Покровской улице — дом № 37. В нем в наши дни размещается несколько факультетов университета имени Н. И. Лобачевского.
2. 6800 рублей на содержание Николаевской и Мариинской богаделен.
3. 2600 рублей на содержание Александровской женской богадельни.
4. 500 рублей на оплату причта церкви при этой богадельне.
5. 2000 рублей на содержание Третьей богадельни в Кунавине.
6. 2000 рублей на содержание двух детских приютов.
7. 2200 рублей на содержание родовспомогательного заведения (роддома).
8. 7000 рублей на содержание Вдовьего дома, потому что содержателя его, Н. А. Бугрова, в 1911 году не стало.

Всего обязательные расходы составляли 29 829 рублей.

Расходы необязательные, но желательные (по возможности) включали:

1. 2000 рублей на содержание общественной библиотеки имени А. С. Пушкина.
2. 4200 рублей на содержание городских начальных училищ.
3. 5000 рублей на содержание Кулибинского ремесленного училища.

4. 1000 рублей на содержание приготовительных классов при механико-техническом училище.

5. 1000 рублей Мининскому духовному братству.

6. 500 рублей в пособие мещанскому обществу на содержание дома призрения.

7. 5000 рублей на образование особого капитала на устройство нового здания для призрения престарелых старообрядцев в память Ф. А. Блинова.

Всего дополнительные, необязательные, но желательные расходы составили еще 18 900 рублей.

Большие планы были у городской думы. Но в 1914 году началась мировая война, противоречиво сказавшаяся на делах Николаевского общественного банка. Вначале был финансовый подъем, почти на 30 миллионов рублей поднялся оборот банка. Правда, его прибыль резко сократилась, потому что ее «съедали» большие ссуды городскому хозяйству. Война для России шла неудачно, русской армии пришлось отступить. В Нижний Новгород были эвакуированы многие предприятия из Польши и Прибалтики. В город хлынула волна беженцев, их требовалось разместить и устроить. Городской бюджет буквально трещал по швам. Городская дума была вынуждена постоянно кредитоваться в общественном банке: в 1914 году на 261 950 рублей, в следующем году на 336 тысяч. А в 1916 году она, считай, «раздела» свой банк, изъяв из него 2 миллиона рублей. Это требовалось для снабжения горожан и переселенцев хлебом, одеждой и др. вами.

В результате, можно сказать, героических усилий городской думы и Николаевского общественного банка нижегородцы были спасены от голода и холода. Они сработали лучше, чем центральные власти. В 1916 году в столице была введена карточная система на продовольствие, а Нижнему Новгороду она не потребовалась. Хлебные карточки нижегородцы увидят только в советские годы.

К 1917 году Николаевский общественный банк, сотворенный прозорливостью выдающегося купца-старообрядца Ф. А. Блинова, подошел настоящим финансовым богатырем с активом в 7 миллионов рублей и был опрометчиво загублен советской властью. А ведь он являлся не буржуазным, а народным [22]...

«Соляная» афера

Униженный властью, Ф. А. Блинов с головой ушел в знакомый ему бизнес — солевозный. Нижний был тогда, по выражению писателя В. В. Крестовского, автора знаменитого романа «Петербургские трущобы», «соле-городом». В поисках денег на свою энергичную политику Петр I в 1705 году установил государственную монополию на соль. Вся она, добывавшаяся в бассейне Волги, свозилась в Нижний Новгород, где складировалась в соляные амбары, стоявшие на берегу Оки под Гребешком. Затем из них соль малыми судами развозилась по Оке и верхней Волге, малым рекам и Мариинской водной системе по городам Центральной России и в столицу. Руководила этими делами государственная Соляная контора, располагавшаяся в Нижнем Новгороде на Рождественской улице сначала в доме № 10, позднее в доме № 47, на подворье солепромышленника князя С. М. Голицына.

Транспортировкой соли занимались солеподрядчики. Промысел был доходным, многие на нем разбогатели, в том числе и Бугровы. Когда к этому промыслу подключились Блиновы, соляными запасами ведало Соляное правление губернской казенной палаты. В 1863 году оно продало Ф. А. Блинову 120 тысяч пудов соли по 45¼ копейки серебром за пуд. Видимо, дело пошло прибыльно, и в 1864 году Федор Андреевич купил уже 461 967 пудов, в 1867 году забрал соли на 150 тысяч рублей [23].

Но в 1867 году вскрылась скандальная «соляная» афера, в которой оказался замешанным и Ф. А. Блинов. Александр II, проводя либеральные реформы, отказался от государственной монополии на соль, заменив ее акцизом (косвенным налогом). В 1864 году Министерство финансов предписало Нижегородской казенной палате «озаботиться скорейшей распродажей запасов государственной соли всем желающим по пониженным ценам и с предоставлением покупателям рассрочки платежей на целый год» [24]. Вот тут-то и вскрылась многолетняя афера начальника Нижегородской казенной палаты В. Е. Вердеревского с приставом соляных амбаров В. З. Терским. Продавать-то оказалось нечего, ибо почти все запасы соли они, как говорится, «спустили налево», а недостачу годами списывали на весенние паводки, которые нередко подтопляли соляные амбары,

стоявшие у самой воды на берегу Оки. Как отмечал современник, «самое местоположение соляных амбаров давало полную возможность ежегодно списывать со счета более или менее значительное количество соли, якобы утраченной вследствие “подмокания или подтопления”, на самом же деле заблаговременно вывезенной из амбаров и проданной по сходной цене. Так и шло это дело, Бог знает сколько лет, обильно питая прикосновенных к псму чиновников и купцов».

Пытаясь уйти от ответственности, В. Е. Вердеревский, дворянин, действительный статский советник (статский генерал), богатый вельможа, дважды в день принимавший ароматические ванны, четырежды менявший белье и костюмы, имевший связи в столице, начал лихорадочно распродавать соль по учетным данным: деньги с купцов брал, а выдачу соли откладывал до весны в надежде, что очередное половодье снова всё спишет. Но даже матушка-природа возмутилась таким лихоимством: весна 1864 года оказалась маловодной, Ока из берегов не вышла, списать недостачу на очередное подтопление не удалось. А купцы, заплатившие за соль, требовали выдачи груза, чтобы успеть управиться в навигацию, когда каждый день дорог. Но Вердеревский с Терским, как говорится, «тянули резину». Тогда городской голова А. М. Губин, сам заплативший за 200 тысяч пудов соли, обратился к губернатору, генерал-майору А. А. Одинцову: «В городе все говорят, что соляные амбары пусты». Он пригрозил доложить об этом Министерству финансов, если губернатор не проведет немедленной проверки соляных складов.

Одинцов был трусоват, осложнений избегал и в 1867 году распорядился проверить соляные амбары. Вот тут-то и выяснилось: из полутора миллионов пудов соли, значившихся по учету, в наличии оказалось всего 5416 пудов! В результате — всеобщий переполох! По выражению одной из современниц, «такого скандала не бывало ни в одной Европе!». Казнокрадов немедленно уволили с работы. Терского заключили в острог, а Вердеревского, как дворянина, ограничили домашним арестом. Началось следствие. К ответу привлекли и чиновников казенной палаты, ответственных за сохранность соли, и купцов, соблазнившихся легкой наживой. В их числе оказался и Ф. А. Блинов.

Защищая честь мундира, губернские чиновники пытались скрыть или хотя бы преуменьшить масштабы скандала. Но, как известно, шила в мешке не утаишь. Известный краевед А. С. Га-

циский в том же 1867 году записал сатирические куплеты, которые, по его признанию, «по всему городу гуляли»:

Близко Нижнего утес
Вырос точно до небес!
А внизу амбаров ряд,
Там казенной соли склад!
Соли добрый сберегатель
Вердеревский, председатель,
И помощник его Терский
Оказались оба мерзки!
Они каждую весной
Расправлялися с казной!
Соль грузили караванам,
Деньги клали по карманам.
Теперь счет начнется снова,
Подцепили и Блинова! [25]

Не удалось бюрократам удержать срам в пределах города. На их беду, в это время в Нижнем Новгороде оказался известный писатель В. В. Крестовский. Пораженный размахом «соляной» аферы, он опубликовал очерк «Соль-город», где так «пригвоздил» лихоимцев, что ослабил казнокрадов на всю Россию. Заметались нижегородские воротила. Из всех номеров журнала «Отечественные записки», поступавших в Нижний, текст этого очерка был варварски выдран. И все сохранившиеся в наших библиотеках экземпляры этого журнала остаются, можно сказать, кастрированными, как свидетели чиновного произвола над прессой. Естественно, на своих кулуарных сборищах нижегородские «столпы общества» возмущались критикой В. В. Крестовского: «Вот ведь какой подлец! Был принят у нас как порядочный, пил-ел с нами, а потом взял да всем и напакостил!»

На следствии В. Е. Вердеревский повел себя надменно, пытаясь все свалить на Терского. Но тот, зная подлые повадки начальника, загодя написал «секретное письмо» на имя жандармского полковника Коптева, наказав жене передать его по назначению в случае своего ареста. Но Вердеревский каким-то образом об этом узнал, отправил Терского в какую-то командировку, а сам ворвался в его квартиру и буквально вырвал злополучный документ из рук растерявшейся женщины, остервенело изорвав его в клочья.

Следствие местные чиновники, естественно, тормозили, особенно полицмейстер П. В. Лаппа-Старженецкий, матерый взяточник и «дантист», потому что многим нижегородцам по-выбивал зубы и свернул скулы. Но к чести судебного следователя Владимира Анненкова, сына декабриста-нижегородца И. А. Анненкова, он этим нажимам не поддавался. Ему помогли чистосердечные раскаяния купцов, соблазненных «воровской дешевой». Один из них, Ф. Блинов, показал: «Терский вел торговлю солью совершенно открыто, а не тайно, и не в ночное время, а днем, на глазах всего народа... А у Вердеревского генеральский чин, две звезды, всеобщее уважение общества... Мог ли я, человек необразованный, как есть мужик, позволить себе тени сомнения, что Терский... стал распродавать соль недозволенным образом?»

Следственное дело составило 20 томов [26]. В 1869 году казнокрадов судили. Обвинили в расхищении 1 467 002 пудов казенной соли на общую сумму в 787 865 рублей 33,5 копейки серебром. В пересчете на бумажные ассигнации эта сумма возростала в 3,5 раза. В. Е. Вердеревского, как дворянина, подвергли гражданской казни: на Новобазарной площади (теперь М. Горького) возвели эшафот, обтянутый черной тканью, подсудимого привязали к черному позорному столбу, сорвали с него ордена и генеральский мундир, сломали над его головой дворянскую шпагу, что означало исключение его из благородного дворянского сословия и лишение всех дворянских привилегий, переодели в арестантскую робу и отвели в острог. Позднее его вместе с Терским сослали в Сибирь на поселение. На них же возлагалось и возмещение убытков казнокрадства, а в случае несостоятельности — на купцов, прельстившихся, как писал А. С. Пушкин, «дешевизною». Они, конечно, перетрусостили, но отделались довольно легко: посидели в остроге только во время следствия. Строже всех осудил Федора Блинова его отец: подарил опростоволосившемуся сыночку пару чугунных галош, обязав обувать их в каждую годовщину позорного суда, «чтобы торговал умнее, по купеческой чести», как настаивали старообрядцы [27].

Обжегшись на соляных подрядах, Ф. А. Блинов больше за них не брался. Но нашел себе другую работу при соляных амбарах. В условиях свободной торговли солью Соляное управление в Нижнем Новгороде закрылось, а многочисленные соляные

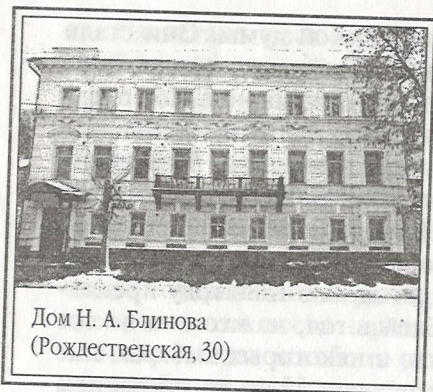
амбары перешли в собственность городской думы. Они стали пустовать и ветшать, зато ими заинтересовались ярмарочные купцы, которым требовались складские помещения. Вот предприимчивый Ф. А. Блинов и организовал на этом свой складской бизнес. В 1870 году он взял у городской думы 98 бывших соляных амбаров в аренду на 5 лет за 3905 рублей в год и сдавал ярмарочным купцам в субаренду. Но амбары ветшали, спрос на них понижался. Поэтому свою аренду Федор Андреевич в 1875 году понизил до 2000 рублей в год. А в 1880 году предложил городской думе всего 800 рублей в год, на что она не согласилась [28]. Но Блинов знал, что в некоторых амбарах еще имелись остатки бывших соляных запасов. И он на последнем году своей жизни, в 1882-м, подрядился развезти по нарядам губернской казенной палаты этот остаток запасов «соль-города» в 261 600 пудов, чем и завершил историю соляной эпопеи Нижнего Новгорода [29].

Блиновские мельницы

«Соляная» афера и чугунные галоши отца вразумили Федора Андреевича, и он расстался с солевыми подрядами, переключился на подряды хлебные. Блиновы развернули широкую многообразную торговлю, особенно товарами продовольственными: зерном, мукой, крупами и прочими съестными припасами. И не только в Нижегородской губернии, а и в Казани, Москве, столице, где вместе с Бугровыми прочно обосновались на крупнейшей в Европе Калашниковской хлебной бирже, через которую выходили и на рынок международный [30].

У Блиновых сложилась деловая, религиозная и родственная связь с Бугровыми. Основой бугровского бизнеса был хлеб. У Блиновых он тоже стал занимать одно из первых мест. Обе семьи придерживались старообрядческого согласия — беглоповского. И неудивительно, что эти семьи породнились: старшая сестра Н. А. Бугрова, Еннафа, стала женой младшего из братьев Блиновых, Николая. Обзавелся семьей и средний из

Дом Н. А. Блинова
(Рождественская, 30)

братьев Блиновых, Аристарх. Лишь старший из них, Федор, самый талантливый и перспективный, к сожалению, семьи не завел и скончался одиноким, не оставив потомства.

Появление женщин в мужском содружестве братьев Блиновых осложнило дела блиновской фирмы. Особенно властной оказалась Еннафа Александровна. Есть версия, что именно она послужила А. М. Горькому прототи-

пом Вассы Железновой. Жены настояли на разделе семейной фирмы Блиновых. Федор поставил дом рядом с родительским. Аристарх остался жить с родителями. А Николай с Еннафой возвели великолепный особняк на Рождественской улице, 30. Но деловую связь Блиновы поддерживали, фирма «Братья Блиновы» сохранилась.

Успешная хлеботорговля побудила Блиновых по примеру родственников Бугровых вложить капиталы в мукомольное производство. О количестве мельниц у краеведов существуют разные мнения. Так, И. В. Казаев насчитал у Блиновых 10 мельниц: 2 крупчатых завода, 3 паровых и 5 водяных мельниц [31]. Особенно «расщедрился» С. Ю. Варенцов, приписавший Блиновым 2 паровых завода, 8 мукомольных мельниц, 4 крупянки, 2 просянки и одну солодовню [32]. Как всегда, осторожнее поступил И. А. Макаров: он признал за Блиновым 7 мельниц: 4 в Нижегородской и 3 в Казанской губерниях [33].

Но невольно возникает недоумение: какая разница между крупчатым паровым заводом и паровой мельницей? Считаем, что нет разницы. Это чиновники иногда большие паровые мельницы, обнесенные заборами, именовали заводами. А термин «крупчатый» означал лишь способ размола зерна: не дедовскими жерновами, а более современными вальцами, дававшими более качественный размол на «крупку», отчего и пошла мука-крупчатка. Создается впечатление, что названные авторы не разобрались в терминологии мукомольного производства.

Приписав Блиновым свыше десятка различных мукомольных предприятий, эти авторы сделали их лидерами мукомоль-

ного дела в Нижегородской губернии, многократно превосходившими и Башкировых, и Бугровых. И ни один из них не обратился к обобщающему исследованию С. И. Архангельского, где приведен список паровых мельниц Нижегородской губернии конца XIX века. В нем значатся три мельницы Башкировых, три Бугровых и только одна братьев Блиновых, причем самая маломощная [34].

Пионерами промышленного мукомолья в Нижегородской губернии были Бугровы, поставившие на реках Линде в Семеновском уезде и Сейме уезда Балахнинского несколько водяных мельниц, на которых потом к водяным турбинам добавили паровые двигатели.

Блиновы учли бугровский опыт и в 1864 году задумали поставить большую паровую мельницу на берегу Волги, неподалеку от своего дома и современного речного вокзала. Замысел был смелый, вполне отвечал предпринимательской хватке Федора Блинова. Он в том же году обратился к генерал-губернатору А. А. Оudinцову за разрешением на «постройку большой крупчатой паровой мельницы» мощностью в 120 лошадиных сил у своего дома, на современной Нижне-Волжской набережной, у речного вокзала [35].

Просьба была, можно сказать, дерзкая. Ведь Блиновы были старообрядцами, а рядом с усадьбой Блиновых стояли два православных храма: Козьмодемьянский (на его месте теперь стоит «Нижновэнерго») и знаменитая Строгановская церковь. Причты этих храмов были влиятельны, и они, естественно, решительно запротестовали. К тому же возведение массивной мельницы в центре торговой улицы города превратило бы ее в промышленную зону, вредную для здоровья жителей, ведь мучная пыль взрывоопасна, как порох. Видимо, запротестовала общественность города, и губернатор не решился дать согласие. Так что первая попытка Блиновых войти в ряды нижегородских мукомолов оказалась неудачной.

Но братья Блиновы не пали духом. В 1870 году они, минуя

Блиновский дом
на улице Рождественской

Блиновский дом
на улице Рождественской

губернатора А. А. Одинцова, обратились непосредственно к императору Александру II с более скромной просьбой: поставить на реке Везломе при селе Неклюдове Семеновского уезда четырехэтажную паровую мельницу. На этот раз просьба была удовлетворена, и к 1877 году заработал Неклюдовский «крупчатый мукомольный пароводействующий завод с числом рабочих 100 человек и производительностью

400 тысяч пудов в год» [36]. Вот это и была первая блиновская мельница на нижегородской земле. Вторую мельницу, уже в пять этажей, Блиновы поставят в 1883 году на реке Линде у деревни Филипповской. Она имела 22 вальцовых станка и вырабатывала 371 850 пудов в год. Как видим, на нижегородской земле мельниц блиновских было всего лишь две.

Торговый дом «Братья Блиновы» активно участвовал во Всероссийской выставке 1896 года. Он был удостоен высокой награды: золотой медали «за отличное качество пшеничной муки и заботливое отношение к рабочим». Последнее особенно примечательно. Значит, предприниматели-старообрядцы не были шкуродерами, а считали рабочих «коллегами» по общему делу. Столь высокая награда давала Блиновым привилегию ставить на своей продукции изображение государственного герба как свидетельство безупречного качества. На этой выставке блиновская фирма была представлена лишь двумя мельницами: Балымерской из Казанской губернии и Филипповской из Нижегородской. Неклюдовская мельница, видимо, находилась на капитальном ремонте, так как на ней было занято всего 5 рабочих. Следовательно, у Блиновых в обеих губерниях действовало всего три мельницы, а не десяток, как уверяют некоторые краеведы [37].

Братья Блиновы по примеру своих родственников Бугровых подключились к прибыльному бизнесу скупки дворянских лесов. При отмене крепостного права помещики все леса оставляли за собой, надеясь обратиться в доходные уголья. Но большинство из них не сумели перестроиться на рыночную эконо-

мику, что наглядно показал А. П. Чехов в знаменитой пьесе «Вишневый сад». Дворяне, привыкшие жить за крестьянский счет, после раскрепощения крестьян погрязли в неоплатных долгах и были вынуждены распродавать свои леса. На этом многие купцы поживились, особенно Бугровы, прибравшие к своим умелым рукам более 180 тысяч десятин «господских» лесов.

Подключились к этому прибыльному делу и Блиновы. По данным И. А. Макарова, они успели скупить 2448 десятин лесов в Нижегородской губернии и 6875 десятин в Казанской. Кроме того, им принадлежало 300 десятин соснового бора в дачном месте Моховые горы на берегу Волги за городом Бор [38]. К тому же они совместно с Бугровыми владели Молитовской рощей, занимавшей 330 десятин [39]. Конечно, по сравнению с бугровскими лесовладениями Блиновых были невелики. Но важен сам факт их участия в дележе «барских остатков».

Блиновы, особенно Федор Андреевич, имели высокий общественный статус. Выше уже отмечалось, что он был первым директором Николаевского общественного банка и даже избирался нижегородцами городским головой. В списках городских избирателей, составлявшихся по суммам городского налога, Ф. А. Блинов неизменно находился в числе первых, уступая лишь Бугровым и превосходя Рукавишниковых, Башкировых, Мичуриных и графиню Н. П. Строганову.

Городской водопровод

Как истые старообрядцы, Блиновы строго соблюдали библейскую заповедь о знаменитой десятина, по которой каждый имущий обязан был уделить десятую часть своего богатства неимущим. Из братьев Блиновых наиболее отзывчивым на чужую боль был старший, Федор. Так, в 1861 году он в одном из своих домов организовал приют для 25 престарелых и одиноких жителей города и почти четыре года содержал его за свой счет. В 1872 году этот сердобольный купец пожертвовал 1000 рублей на устройство временной лечебницы для холерных больных. Сам рано потерявший родную мать (Федор и

его младшие братья были детьми от разных матерей), Федор Андреевич с особой заботливостью относился к детским приютам. Это заметила императрица Мария Федоровна, бывшая покровительницей детских приютов. Она не раз благодарила Федора Андреевича за такие благие дела. А с 1874 года он удостоился звания почетного члена Всероссийского попечительства детских приютов. В том же году Ф. А. Блинов пожертвовал 6000 рублей на устройство ремесленных классов в Первом детском приюте Нижнего Новгорода. В 1876 году выделил 5000 рублей на оборудование прачечной во Втором детском приюте. А на другой год пожертвовал 3000 рублей на общий ремонт всех 13 детских приютов Нижнего.

С особой заботливостью относился Федор Андреевич к своим землякам, жителям Заволжья. В суровую зиму 1877/78 года он раздал бесплатно голодающим крестьянам шести волостей Семеновского уезда 3080 пудов ржи и 15 500 пудов отрубей для поддержания скота. А сверх того продал им за полцены, по 50 копеек с пуда, 60 500 пудов муки, за что Семеновское уездное земство выразило ему благодарность. За свои благие дела Ф. А. Блинов не раз получал благодарности и от Нижегородской городской думы, и от различных уездных властей, и даже три благодарности высочайших, то есть царских. За спасение голодающих крестьян Семеновского уезда нижегородские власти решили отметить его особо: городская дума представила Федора Андреевича к званию почетного гражданина Нижнего Новгорода «в воздаяние за постоянно полезную торговую и благотворительную деятельность». Александр II в марте 1878 года утвердил Ф. А. Блинова в этом почетном звании.

После поражения России в Крымской войне, одной из причин которого был устаревший парусный флот, в стране собирались средства на строительство крейсерского, то есть быстроходного парового флота. Ф. А. Блинов, настроенный патриотично, в 1878 году одним из первых вложил в это дело 10 000 рублей.

Ф. А. Блинов развернул свой бизнес далеко за пределы Нижнего Новгорода, и потому его благотворительность приобрела российский размах. В 1872 году он был утвержден членом попечительского совета Николаевской детской больницы Санкт-Петербурга, за что ежегодно вносил в ее кассу по 300 рублей. В 1880 году Ф. А. Блинова избрали в состав попечителей Общества

вспоможения бедным. Его брат, Аристарх Андреевич, избирается попечителем Нижегородского Владимирского реального училища. А в 1893 году Аристарх становится попечителем речного училища.

Для верхней части Нижнего всегда была проблемой вода, особенно питьевая. За ней нижегородки спускались по крутым тропинкам в овраги, в основном в Почаинский, где били ключи и струились родники. Это отразилось и в легенде о Коромысловой башне. Но город рос, а вместе с ним обострялась и проблема воды. Хозяйственные нужды горожан обеспечивала система городских прудов, память о которых хранит трамвайное кольцо под названием Черный пруд. А проблема питьевой воды неумолимо обострялась, потому что родники внутри города иссякали. Нужда в питьевой воде породила водовозный промысел: питьевую воду бочками развозили по городу и продавали по копейке за ведро. А тогдашняя копеечка по стоимости многократно превосходила современный рубль. Но эти же водовозчики, в основном лапшихинские мужики (Лапшиха теперь в черте города), одновременно занимались и промыслом ассенизаторским, вывозили содержимое выгребных ям в таких же бочках, по пьяному делу нередко путая их, что, естественно, беспокоило и настораживало горожан.

Постепенно назрела идея городского водопровода. Ее в 1847 году реализовал городской инженер барон А. И. Дельви́г, двоюродный брат лицеиста друга А. С. Пушкина. Тот водопровод был уникален. Он подавал воду не речную, как теперь, а ключевую, собирая ее из родников под Откосом, и двумя паровыми машинами по 18 лошадиных сил поднимал наверх в специальный бассейн на центральной площади города, откуда нижегородки разбирали ее по домам. Водопровод проложили лишь ко дворцу губернатора и губернской больнице, водоразборных колонок по городу в то время еще не было.

Водопровод был невелик, всего на 40 тысяч ведер воды в сутки. А город быстро рос: в 1820 году в нем насчитывалось 14 тысяч жителей, в 1853-м — 30 789, а в 1882 году — 60 349. Водопровод перегружался, изнашивался, его мощность сокращалась. К 70-м годам XIX века он мог поставлять лишь 25 тысяч ведер воды в сутки. Водопровод, конечно, регулярно ремонтировали. Но выше 30 тысяч ведер в сутки поднять он не мог [40].

Городу требовался новый, более мощный водопровод. В 1871 го-

ду городская дума образовала специальную комиссию, которая к 1876 году подготовила план и смету на устройство нового водопровода стоимостью в 450 тысяч рублей и мощностью 200 тысяч ведер в сутки. Организовали конкурс проектов. Победила английская фирма «Меллисон», которой городская дума собиралась отдать за работу 417 тысяч рублей. Но такая сумма была городскому бюджету не под силу. Поэтому дума намеревалась позаимствовать деньги в банке, взяв кредит под 5 процентов сроком на 50 лет. Для его возмещения предполагалось обложить жителей города специальным налогом [41].

С этой идеей спецналога не согласились купцы-старообрядцы Блиновы, Бугровы и Курбатовы. Они отклонили налоговую идею, а взамен пожертвовали на строительство водопровода 250 тысяч рублей. Естественно, городская дума восторженно приветствовала такую благотворительность [42]. Весьма примечательно заявление этих доброхотов: «Для устройства водопровода Дума решила взять заем в 450 тысяч рублей из 5 процентов с возвращением его в 50 лет, на погашение которого повысить городской налог с жителей. Но мы, при помощи Божией, желали принять капитальное участие в водоснабжении города, с тем чтобы избавить город от займа, а домовладельцев от дополнительного налога... Определяем на постройку водопровода безвозвратно: Федор, Аристарх и Николай Андреевичи Блиновы 125 000 рублей, Александр Петрович и Николай Александрович Бугровы 75 000 рублей и Устин Саввич Курбатов 50 000 рублей, а всего 250 000 рублей». Примечательно, что они подсказали городской думе, где взять и недостающую сумму, а не обирать жителей и без того задавленных налогами: «Недостающую сумму взять из прибылей городского общественного банка и за счет денег, получаемых городом за земли от железной дороги». Подарив городу половину стоимости водопровода, купцы-старообрядцы поставили лишь одно условие, но не в своих, а в общих интересах: «Пользование водой из устраиваемого водопровода должно быть для всех сословий Нижнего Новгорода на вечные времена бесплатно» [43].

Так купцы-старообрядцы развязали сложный финансовый узел строительства нового городского водопровода. Правда, на эту городскую нужду откликнулись не все купцы нижегородские, а лишь гонимые и унижаемые старообрядцы.

Строился новый водопровод в два этапа. Сначала в Кана-

винской слободе, которая с открытием железной дороги быстро развивалась и приобрела для города важное транспортное значение. К 1871 году эта часть водопровода, качавшая воду из Оки, была запущена. Она снабжала водой и ярмарку — два прекрасных фонтана: один перед Главным ярмарочным домом, действующий и по сие время, другой перед ярмарочным православным собором. Его в 1927 году перенесли к дворцу имени В. И. Ленина в Канавине, кстати, построенному из кирпичей разрушенного Гостиного двора ярмарки [44].

А вот вторая часть водопровода — для верхней части города строилась медленно и трудно. Английская фирма «Меллисон» с этой задачей не справилась. Доставленные из Англии водоподъемные машины нижегородскую кручу не осилили, оказались технически устаревшими. Известный нижегородский механик В. И. Калашников, осмотрев «заморское чудо», посоветовал выбросить его как хлам и заменить машинами отечественными [45]. А ведь за этот «хлам» было уже заплачено 33 400 рублей. Эти «аглицкие» просчеты существенно повысили стоимость строительства — до 651 470 рублей. И снова выручили купцы-благотворители, пожертвовав дополнительно 75 тысяч рублей. Так что их общий вклад в новый водопровод составил 425 тысяч рублей, то есть половину его стоимости [46].

На заводе У. С. Курбатова по чертежам В. И. Калашникова были изготовлены новые водоподъемные машины, успешно преодолевшие высоту Дятловых гор. И 1 октября 1879 года новый водопровод мощностью 200 тысяч ведер воды в сутки заработал. Правда, воду он подавал не родниковую, как первый, а речную, благо она тогда была еще сравнительно чистой. Водопровод был украшен тремя фонтанами, главный из которых увлажняет воздух центральной площади города до сих пор. Чтобы власти не нарушали условия пользования водой, оговоренные купцами-жертвователями, они в день открытия водопровода распространили по городу объявление, гласившее, что согласно воле благотворителей устройства водопровода господ Блиновых, Бугровых и Курбатовых «жители города Нижнего Новгорода во все времена существования водопровода никогда никакой платой за пользование водой из онога не будут облагаемы». Фирма «Меллисон» была наказана за недобросовестность. Ее подрядный залог был удержан как у «подрядчика неисправного» [47].

Благодарственный фонтан жителей города купцам-благотворителям

Городская дума, преисполненная признательности купцам-благотворителям, в том же 1879 году удовлетворила ходатайство старообрядцев о расширении раскольничьего кладбища, к сожалению, уничтоженного и застроенного жилыми домами в советские годы. В 1880 году дума собиралась «почтить господ жертвователей, по русскому обычаю, “хлебом-солью”, предложив им благодарственный обед от имени города» [48]. Но они, старообрядцы, повели себя, как обычно, скромно — с заботой не о себе, а о жителях. Отказавшись от торжественного чествования, попросили думу использовать деньги, собранные на обед, «на цели более полезные».

Тогда городская дума, восхищенная бескорыстием жертвователей, постановила увековечить имена этих людей добрым памятником в том месте, где все они проживали, — на Софроновской площади (теперь Маркина). И вознесся здесь уникальный памятник — самый большой и красивый фонтан, в основании которого сияла позолоченная надпись: «Фонтан благотворителей, сооруженный в память почетных граждан Нижнего Новгорода Ф. А., А. А. и Н. А. Блиновых, А. П. и Н. А. Бугровых и У. С. Курбатова, давших самые крупные денежные пожертвования городу на устройство водопровода». К сожалению, этот уникальный фонтан-памятник был варварски уничтожен во время сооружения на этой площади мемориала Волжской речной флотилии. Кроме этого, городская дума ходатайствовала всем жертвователям «царскую благодарность и высочайшее благоволение» на присвоение высоких званий почетных граждан Нижнего Новгорода [49].

К сожалению, городские власти впоследствии нарушат условие бесплатного пользования водопроводной водой, что оскорбило жертвователей. От их имени Н. А. Бугров в 1909 году заявил городской думе, что установление «сбора с жителей за пользование водой» является нарушением воли жертвователей. И просил думу «в будущем не устанавливать каких-либо новых сборов за пользование водой, которые главным образом ложат-

ся на самый необходимый предмет потребления». А поскольку условие жертвователей было уже нарушено, Николай Александрович отказался от дальнейшего участия в работе водопроводной комиссии [50].

Проживая и работая на Софроновской площади, Блиновы неустанно расширяли и украшали свое нижегородское «гнездо». Саму площадь они замостили булыжником, а заодно и Успенский съезд (теперь он называется Почтовым). От Софроновской площади Блиновы обустроили удобные спуски к реке и пристаням. А когда на площади появился памятный фонтан, они разбили вокруг него сквер, окружив его металлической решеткой. Так появился в центре Рождественской улицы всем известный Блиновский садик. Он стал своеобразным центром блиновского бизнеса. Вокруг него и поблизости Блиновы возвели красивые дома, до сих пор украшающие Рождественскую улицу. И самый уникальный из них — знаменитый Блиновский пассаж, возведенный в 70-е годы XIX века по проекту архитектора Л. В. Даля — сына знаменитого лингвиста В. И. Даля, 10 лет работавшего в Нижнем управляющим Нижегородской удельной конторой.

По современным понятиям пассаж стал для Блиновых «бизнес-центром» их предпринимательства, через который они развернули свои коммерческие дела. В 1899 году в нем размещались 23 магазина, 49 лавок, гостиница, два трактира, портерная (пивная), Банк взаимного кредита, контора нефтяных магнатов братьев Нобель. Так что Блиновский пассаж стал крупнейшим коммерческим центром на главной торговой улице города. Он и сейчас внушительно смотрится. В нем разместилось немало магазинов, деловых офисов, почтовое отделение, два этажа занимают жилыцы, в мансарде — мастерские художников [51].

Блиновы построили в Нижнем Новгороде немало и других домов, и почти все на Нижнем базаре, в районе Блиновского садика. Они застроили целый квартал от Софроновской площади до Городецкого переулка, поставили красивые дома в

Блиновский пассаж (Рождественская, 24)

разных местах Рождественской улицы. Общее число блиновских домов в Нижнем трудно определить, потому что сведения об этом противоречивы. По разным источникам, к началу XX века за Блиновыми значилось от 5 до 7 домов, и все на Нижнем базаре, то есть в торговой части города. Но это лишь документально установленная часть блиновских домов. Фактически их было явно больше. К примеру, одна лишь вдова Еннафа Александровна Блинова владела 7 домами [52]. Так что Блиновы были крупными домовладельцами Нижнего Новгорода, уступая в этом лишь Бугровым. Кроме того, старший из братьев Блиновых, Федор, занимаясь бизнесом и в Казанской губернии, имел там два дома: деревянный в Чебоксарах и каменный в самой Казани [53].

Вдовий дом

Совместное кредитование городского водопровода убедило Блиновых с Бугровыми в эффективности общих благотворительных усилий, позволявших осуществлять масштабные проекты. И они сообща сотворили в Нижнем Новгороде новое благое чудо: построили уникальный приют для несчастных матерей-одинок с малолетними детьми. Разных приютов в стране было уже немало, но такой единственный.

В 1884 году гласный (депутат) городской думы Н. А. Бугров заявил почтенному собранию, что он совместно с родственниками, братьями Блиновыми, намерен построить специальный приют для «осиротевших женщин с малолетними детьми», и просил думу отвести для этого участок земли [54].

Дума приветствовала такую инициативу, потому что нужда в подобном убежище для бедных женщин была великая. Родственники «скинулись» капиталами: братья Блиновы — 75 тысяч рублей, Н. А. Бугров — 40 тысяч. И довольно быстро, к 1887 году, на Монастырской (теперь Лядова) площади города поднялся обширный трехэтажный приют, сразу получивший народное прозвание Вдовьего дома. 30 октября состоялась официаль-

ная его передача от учредителей городской управе. Для этого была организована специальная комиссия, которая, «помолившись Богу, приступила к осмотру здания Вдовьего дома, после чего жертвователи и передали это здание в ведение города» [55].

Для его содержания был образован специальный капитал в городском Николаевском общественном банке, куда братья Блиновы внесли 65 тысяч рублей и 40 тысяч рублей положил Н. А. Бугров. Вот на проценты с этого капитала Вдовий дом и содержался. В 1888 году император Александр III утвердил официальное название приюта: «Нижегородский городской общественный имени Блиновых и Бугровых Вдовий дом».

Это был большой, каменный, трехэтажный корпус на 165 квартир в одну-две комнаты гостиничного типа с коммунальными кухнями, общей баней и прачечной. Для заболевших — аптека и амбулатория с больничным покоем на два отделения: мужское и женское. В лечебнице — врач, фельдшер и сиделки. Для управления приютом городская дума на три года избирала попечительский совет, который нанимал служителей: смотрителя, надзирателей, швейцара, коридорных, банщика, кочегаров и пять сторожей.

Возведение такого вместительного приюта для матерей-одинок произвело большое впечатление на всю Россию. Различных приютов для обездоленных было на Руси уже немало. Но семейный, для одиноких матерей с детишками появился впервые. А потому вся общественность страны восторгалась гражданским подвигом купцов-благотворителей. Почтением к высоко нравственному поступку проникся и Александр III.

Приют сразу стал популярен и быстро наполнялся. В 1889 году в нем поселилось 110 вдов с 304 детьми, а в 1906 году — 184 вдовы с 435 детишками [56]. Как видим, приют переполнялся. Поэтому прием в него вела специальная комиссия, строго отбиравшая нуждающихся без различия вероисповедания, а при малейшем нарушении распорядка выселяла провинившихся.

Вдовий дом

Социальный состав поселенцев был различен, но на 70 процентов преобладали мещанки и крестьянки в возрасте от 30 до 45 лет [57].

Примечательная деталь: в приюте проживали не только одинокие женщины с детьми, но и дети-сироты. В 1893 году там было 359 детей с матерями и 19 сирот. Некоторые из них были детьми-бродяжками, которых приют спасал от беспризорности. Но в основном это были подкидыши — «плоды любви несчастной». Старожил Е. И. Мясичев свидетельствует, что во Вдовьем доме даже имелась приемная для таких детей. Чтобы они не погибали, особенно зимой, у черного входа, со двора приюта, была специальная люлька, которая блоком поднималась наверх. Несчастливая мать обычно ночью, тайком пробиралась к этому крылечку, со слезами прощалась со своим младенцем, укладывала его в эту люльку, судорожно дергала сигнальную веревочку и торопливо убегала. По веревочному сигналу люльку поднимали на второй этаж. «Новобранца» обогревали, поили-кормили, выхаживали... При приюте имелся скотный двор, где в 1895 году содержалось 8 коров, 5 овец. Рядом стояла конюшня, два каменных погреба [58].

Среди поселенцев Вдовьего дома 70 процентов составляли дети. Озабоченный их образованием, комитет дома открывает для них школу. Ее двухэтажное здание и сейчас стоит во дворе дома, только относится оно теперь к военному ведомству. В 1891 году в этой школе работали пять учителей: законоучитель (священник), учитель труда и три учительницы-предметницы. Учительский труд достойно вознаграждался. Годовое жалованье первой учительницы (видимо, заведующей школой) составляло 350 рублей, две ее коллеги получали по 300 рублей, законоучитель и учительница рукоделия — по 120 рублей. Сверх того всем выплачивалось по 50 рублей квартирных. Ежегодно школа расходовала 110 рублей на учебные пособия [59].

Но дети подрастали, им нужно было дать не только общее, но и специальное образование, получить какую-то специальность. К решению этой задачи подключился купец И. М. Рукавишников. Перед смертью, в 1906 году, он завещал 75 тысяч рублей Вдовьему дому, в том числе 25 тысяч рублей на строительство «каменного училища для обучения детей приюта полезным ремеслам». На эти деньги в 1907 году за Вдовьим домом

было возведено каменное трехэтажное училище с мастерскими: сапожной и портной — для мальчиков, швейной и рукодельной — для девочек (теперь это старая часть расширенного корпуса фирмы «Тон», бывшей трикотажной фабрики имени Клары Цеткин). Эти ремесленные мастерские сыграли огромную роль в судьбе приютских детей, которые до этого были буквально бичом окрестных жителей: озорничали, хулиганили, обирали сады и огороды, короче говоря, «отбивались от рук». Получив в приютских мастерских специальность, мальчики с 15 лет уходили «в люди», то есть в самостоятельную жизнь. А девочки оставались с матерями до замужества. Кстати, из фонда приюта им выплачивалось приданое [60].

Вдовий дом быстро приобрел всероссийскую известность. В 1896 году, после пышной коронации в Москве, его посетила венценосная чета, прибывшая в Нижний Новгород по случаю Всероссийской выставки. Осматривая город, император с императрицей посетили и Вдовий дом. Вот как это событие описано в книге «Император Николай II в Нижнем Новгороде в 1896 году»: «В два часа дня Их Императорские Величества удостоили посещением городской общественный Вдовий дом имени Блиновых и Бугровых, где у ограды собралась масса народа, приветствовавшая Государя и Государыню с особым одушевлением. Их Величества встретили: купеческая вдова Е. Н. Варыханова, урожденная Блинова, имевшая счастье поднести Ее Величеству букет, и Н. А. Бугров вместе с городским головою бароном Дельвигом и прочими членами комитета. Поднявшись на второй этаж, Их Величества вошли в большой зал дома в сопровождении министров — Императорского Двора графа Воронцова-Дашкова и внутренних дел Горемыкина, свиты и нижегородского губернатора Н. М. Баранова.

Призреваемые в доме семейства все находились в сборе. Трогательная картина представилась глазам, когда со слезами счастья и благоговения призреваемые здесь вдовы и сироты, взрос-

Учебные мастерские
при Вдовьем доме

лые и дети, низко кланялись Царю и Царице, которых им пришлось лицезреть так близко и притом еще в жилище, занимаемом ими, обездоленными и сирыми. Двери квартир были все растворены, так что видно было все внутреннее убранство. Всего проживает в этом доме, действительно образцовом, 164 вдовы, а с детьми — 579 человек.

В зале Их Величества были встречены народным гимном, который исполнили воспитанники и воспитанницы училища, находящегося при доме. Государь удостоил Н. А. Бугрова подробного расспроса о доме, его основании, устройстве и проч. Государь благодарил основателя дома Н. А. Бугрова, высказывая Свое удовольствие по случаю существования такого образцового и прекрасного учреждения. При обходе здания дети сопровождали Их Величества исполнением «Слався» и восторженными кликами. У выезда из ограды оркестр училища бедных детей исполнил народный гимн» [61].

Содержание Вдовьего дома, разумеется, стоило недешево. Цены на продукты росли, и Н. А. Бугрову приходилось добавлять банковские отчисления с вложенного капитала натуральными поставками со своих мельниц и из магазинов. Так, только в июне 1893 года во Вдовый дом было завезено 27 мешков муки пшеничной разных сортов, 8 мешков муки ржаной, 13 мешков различных круп, мешок гороха, 8 мешков отрубей, 20 мешков овса, мешок солоду и мешок соли [62]. Так что приходилось делать изрядные натуральные добавки к банковским процентам на капиталы!

Но обитательницы Вдовьего дома не были праздными хлебницами. По мере сил и возможностей они работали, принося приюту дополнительные доходы. Так, в 1905 году 37 из них были заняты хозяйственными делами по приюту, 39 по контракту с кондитерской фабрикой фасовали конфеты в бумажные обертки, 25 выполняли швейные работы, 26 щипали корпию для госпиталей: рвали на ниточки старые бинты (шла война, и в госпиталях недоставало ваты).

Положение Вдовьего дома, можно сказать, пошатнулось в 1910 году, когда его главный опекун Н. А. Бугров заявил городской думе, что «считает невозможным для себя оставаться далее попечителем Вдовьего дома». Причиной оказался конфликт с архиепископом Назарием, запретившим православному свя-

щеннику совершать во Вдовьем доме панихиду по покойному Макарию Блинову, сыну учредителя приюта Н. А. Блинова и племяннику Н. А. Бугрова. Об этом просили архиерея все жители Вдовьего дома. Ранее такое дозволялось. Например, так была отмечена память старшего из братьев Блиновых — Федора. А на этот раз архиепископ заупрямился под предлогом, что покойный был старообрядцем. И это в условиях, когда Николай II в 1905 году уравнивал все конфессии в правах. Разразился скандал. Городская дума попросила архиепископа изменить решение. Да он и сам понял, что перегнул, как говорят, палку, что ему не под силу тягаться с Бугровым, и конфликт был улажен. Но престиж местного духовного пастыря заметно упал [63].

История Вдовьего дома советского времени трагична. Новая власть конфисковала все 119 тысяч рублей капиталов приюта, отказав ему в дальнейшем финансировании, и несчастные вдовы с детишками разбрелись кто куда. А опустевшее здание заполнили и штаб революционных повстанцев, и красные курсанты, и солдатские казармы, и склад овощей для тифозных больных, и приемник для беспризорников. Лишь в годы нэпа приют обрел статус студенческого общежития, сначала педагогического, теперь технического университета [64].

Малиновский скит

Блиновы совместно с Бугровыми сотворили немало и других общих благих дел. Так, в 1883 году, когда старообрядческие скиты снова, в который раз, рушились, Блиновы совершили для своих единоверцев духовный подвиг: сумели спасти Малиновский скит на Линде, при деревне Малиново. Зять Бугровых, Н. А. Блинов, как раз в это время строил на Линде у деревни Филипповской мельницу. Для ее сооружения он купил у князя Волконского большой участок земли, в который умышленно включил и территорию Малиновского скита, чем и спас его от церковного разрушения. А чтобы официальная церковь не претендовала на него,

Ворота
Малиновского скита

Блинов объявил скит своей семейной дачей и начал ее благоустраивать. К этому «благоустройству» скита подключился шурин Н. А. Блинова, Н. А. Бугров, когда в 80-е годы XIX века строил богадельни для единоверцев, изгнанных из скитов. Вот два таких приюта он и поставил на территории блиновской дачи, то есть Малиновского скита.

К сожалению, в 1885 году Николай Андреевич Блинов скончался. Наследником стал его единственный сын Макар (Макарий по-старообрядчески). По молодости и неопытности Макарий Николаевич опирался в делах на авторитет своего дяди, Николая Александровича Бугрова. Так они сообща и обустроили Малиновский скит, по выражению современников, в «райский уголок, каких мало». По свидетельству А. П. Мельникова (сына П. И. Мельникова-Печерского), в начале XX века Малиновский скит резко выделялся среди других скитов Нижегородского Заволжья, отличаясь образцовым порядком и устройством. Вот как описал Малиновский скит священник А. Порфирьев в 1900 году: «Обнесенный высокой каменной оградой с башнями и крепкими затворами, этот скит на обширной своей площади имеет много каменных и деревянных корпусов и флигелей разных назначений, не считая служб и разных хозяйственных приспособлений».

Старообрядческий храм
Малиновского скита

Малиновским скитом восхищался старообрядческий журнал «Церковь». В 1909 году его корреспондент опубликовал обширную статью под названием «Уголок, каких мало», в которой информировал читателей: «В десяти верстах от Нижнего Новгорода, за Волгой, в Семеновском уезде, есть замечательный старообрядческий уголок... В полуверсте от деревни Филипповки, на

месте старинного Малиновского скита, чудом уцелевшего от бывшего разгрома, и то лишь, вероятно, потому, что он представлял 2—3 маленьких кельи при кладбище. Стараниями господ Блиновых (родственники Н. А. Бугрова) и Бугровых в те же гонительные времена были построены кельи, дома и корпуса, и скит был обнесен каменной оградой. Ныне он обращен в мужской монастырь, в котором проживает до 40 человек.

Нынешним летом в монастыре заложен каменный храм во имя Святого князя Владимира, который теперь украшает этот «райский уголок». И все эти учреждения содержатся одним лицом — Н. А. Бугровым» [65].

В этот «райский уголок» автор включил все бугровские богадельни, построенные Николаем Александровичем для больных и пожилых единоверцев, выброшенных властями на произвол судьбы после закрытия скитов. Два таких приюта были поставлены на территории Малиновского скита: Филипповский — для женщин и Малиновский — для мужчин.

Возрождение Малиновского скита встревожило православное духовенство. Благочинный второго церковного округа Семеновского уезда в 1872 году доносил епископу «об обширном деревянном здании, построенном купцами Блиновыми и Бугровыми на месте уничтоженного раскольничьего скита под названием Малиновского, в котором, по заявлениям соседних священников, будто бы совершается богослужение».

Этот шустрый благочинный быстренько созвал священников своего округа, которые обратились к епископу с просьбой «учинить начальственное распоряжение об уничтожении заведений» этого скита, служащих «к соблазну православных».

В 1880 году Нижегородская духовная консистория с таким предложением согласилась и просила губернское правление «сделать распоряжение о закрытии раскольничьего кладбища при деревне Филипповской» [66].

Но судя по тому, что строения бывшего Малиновского скита до сих пор стоят, нижегородскому епископу не удалось перебить Блиновых с Бугровыми.

Голод 1891 года

В 1891 году Нижегородскую губернию потряс страшный голод. По выражению А. С. Пушкина применительно к событиям начала XVII века, «народ завыл, от глада погибая». Особенно жутким было положение в Лукояновском уезде, считавшемся «житницей губернии». Чиновники, как всегда, беду не заметили. Тревогу забила интеллигенция: врачи, учителя, агрономы. В Лукояновский уезд выехала депутация добровольцев во главе с В. Г. Короленко. Она обнаружила страшные картины народных бедствий: крестьяне питались разными суррогатами, пекли хлеб из смеси мучной пыли и травы лебеды. Этот сорняк настолько прочно вошел в крестьянский быт, что сложилась поговорка: «Не беда, коль в хлебе лебеда, беда наступит тогда, когда исчезнут и хлеб и лебеда». Крестьяне ели клевер, крапиву, липовые листья, корешки сорняков.

Прогрессивная интеллигенция начала срочно устраивать в районах наибольшего бедствия народные столовые. Очерки В. Г. Короленко о нижегородском голоде потрясли всю страну. На его имя пошли средства для спасения голодающих со всех концов страны и даже из зарубежья. Губернатор Н. М. Баранов запросил помощи у правительства. Но столичные чинуши настолько оторвались от жизни, что затеяли переписку-волокиту: «Что значит человек нуждающийся? Что означает полное разорение?» Между чиновниками на эту тему даже разгорелся бюрократический спор. Одни считали полным разорение «продажу последней лошади и коровы»; другие полагали, что прежде, чем стать нуждающимся, следует проесть корову, овец и самовар. В ходе этой бюрократической «дискуссии» появилось понятие «полунуждающийся». В итоге таких «научных изысканий» бюрократов губернатор получил из столицы увесистый тюк примитивных брошюрок для раздачи голодающим крестьянам с наивными советами, как за неимением ржи и пшеницы печь хлеб из чечевицы и делать это у себя дома, чтобы хлеб обходился подешевле. Как подобное невежество могло помочь голодающим, когда чечевица в Нижегородской губернии не выращивалась, а хлеб крестьянки всегда пекли сами?..

Пришлось нижегородцам решать эту злободневную проблему самостоятельно. Губернское земство сформировало продо-

вольственный комитет, в который вошел и Н. А. Бугров. Комитет решительно взялся за дело. Прежде всего он определил число нуждавшихся в экстренной помощи. Таковых оказалось много — 587 тысяч. Затем комитет подсчитал, сколько требуется зерна для прокорма голодающих и обсеменения полей на будущий год. Для решения этой более сложной задачи требовалось 3 миллиона 300 тысяч пудов зерна. Где взять такую массу в голодный год? Естественно, вспомнили о Кубани — главной житнице России, где хлеб стоил недорого. Но, как говорится, «за морем телушка — полушка, да дорог перевоз». С расходами по доставке кубанский хлебушко оборачивался дороговато: по 1 рублю 40 копеек за пуд.

Решили искать хлеб на месте, у помещиков, которые были тогда главными держателями товарного зерна. Губернатор, уповавшая на гражданскую сознательность «благородного сословия», просил продать хлеб хотя бы немного подешевле кубанского — по 1 рублю 32 копейки за пуд! К сожалению, не осталось у нижегородских дворян совести ни на грош, они упорно держали цену на уровне 1 рубля 65 копеек с пуда. Лишь один из них, Зубов, откликнулся на призыв губернатора, уступив продовольственному комитету 4 тысячи пудов по губернаторской цене. А все другие, и, к всеобщему изумлению, особенно дворяне лукояновские, используя свое преобладание в уездных земствах, стали фарасейски уверять, что никакого-де голода нет и крестьяне в хлебе не нуждаются. Они развернули против продовольственного комитета и прогрессивной интеллигенции настоящую психологическую травлю, дискредитируя благотворительные мероприятия. «Помилуйте! — патетически восклицали эти шкуродеры. — Какой вам голод? Смотрите — свадеб крестьянских много как никогда!» Действительно, наблюдался житейский парадокс. Деревенским парням стало дешевле жениться, потому что невесты подешевели, так как «кормить их стало трудно». Обычная нижегородская «кладка» (выкуп) жениха за невесту понизилась с 50 до 15 рублей. И небогатые мужики спешили оженить сыновей «по дешевке». А лукояновские «зубры» упрямо сопротивлялись открытию крестьянских столовых, вошли в открытое враждебное отношение с продовольственным комитетом, затеяли бумажную волокиту, вызвали социальное напряжение в губернии, вошедшее в нижегородскую историю под горестным названием Лукояновской войны [67].

Продовольственному комитету помогли не «благородные» дворяне, а сермяжные купцы, сами вышедшие из крестьян и понимавшие деревенские беды. Это прежде всего Башкировы, Блиновы и Бугровы. Они продали комитету 218 тысяч пудов ржаной муки и 510 тысяч пудов зерна по себестоимости, то есть без наживы, по 1 рублю 28 копеек с пуда [68]. Более того, когда губернское земство закупило 287 тысяч пудов семенного зерна, чтобы его голодные крестьяне не растащили и не съели, Бугров с братьями Блиновыми надежно укрыли его в своих складах на Молитовской пристани, а потом бесплатно развезли по уездам для засева пустующих крестьянских полей [69].

Вот так «чумазы», по высокомерным дворянским понятиям, купцы из крестьян преподали «благородному» дворянству наглядный нравственный урок действительного патриотизма, настоящей заботы о народе, а значит, и о государстве. Этот поступок произвел неизгладимое впечатление на нижегородскую общественность. И губернское земство в 1891 году принесло Башкировым, Блиновым и Бугрову «признательность за содействие в деле помощи голодающему населению губернии». К сожалению, в советские годы многие краеведы уверяли читателей, что эти купцы не помогали голодным, а лишь наживались на их беде.

Говорят, что беда не ходит в одиночку, а всегда влечет за собой «подруг». Буквально через год, в 1893 году, страшное бедствие постигло жителей большого села Бор Семеновского уезда. Страшный пожар уничтожил полсела. Беда снова приобрела губернский масштаб. Для ее преодоления нижегородская общественность сформировала комитет помощи погорельцам, куда самый щедрый дар внес губернатор Н. М. Баранов — 2300 рублей, 1444 рубля пожертвовал купец Рукавишников, а Н. А. Бугров с племянником М. Н. Блиновым — каждый по 1680 рублей [70].

Из трех братьев Блиновых самым активным и в бизнесе, и в делах благотворительных был старший, Федор Андреевич. Младшие братья, Аристарх и Николай, уступали ему в этих качествах. Тем не менее и они оставили заметный след в нижегородской истории, имели высокий общественный статус. С 1880 года все Блиновы состояли попечителями Общества вспоможения бедным жителям Нижнего Новгорода [71]. За финансовую помощь городу в сооружении нового водопровода все братья удо-

стоились высоких знаний почетных граждан Нижнего Новгорода. Все они избирались в гласные (депутаты) городской думы. А когда в 1882 году скончался основатель Николаевского общественного банка Ф. А. Блинов, на его место в правление этого банка был введен брат Аристарх [72]. С середины 80-х годов XIX века он берет на себя хлопотливые функции попечителя над крупнейшим в городе Владимирским реальным училищем [73]. А младший из братьев, Николай, с 1894 года возглавил попечительский совет речного училища [74]. Как видим, младшие из братьев Блиновых тоже немало потрудились на благо нижегородцев.

Угасание блиновской фирмы

Бизнес братьев Блиновых — апогей деловой активности этого купеческого рода. В конце XIX века все они ушли в мир иной. Первым в возрасте 71 года в 1882 году скончался старший брат, Федор Андреевич, сотворивший массу добрых дел, но так и не создавший своей семьи. Упокоился он на кладбище Малиновского скита, где ему стоит надмогильный памятник с молитвенной эпитафией: «Господи, прими душу мою» [75]. Вслед за ним в 1885 году не стало младшего из братьев, Николая, который, скорее всего, тоже упокоился на этом кладбище, потому что именно он начал его восстановление. Вот только могила его там никак не обозначена. Дольше всех продержался в жизни средний брат, Аристарх, скончавшийся в 1893 году. Вероятно, он упокоился на городском раскольничьем кладбище, ныне застроенном жилыми домами по улице Артельной.

Братья бизнес вели сообща, создав авторитетную торгово-промышленную фирму «Братья Блиновы». Пока они действо-

Могильный камень
Ф. А. Блинова

Асаф Аристархович
Блинов

вали дружно, фирма процветала. Их наследниками стали двоюродные братья: Асаф — сын Аристарха и Макарий — сын Николая. Они пытались продолжить семейную традицию общего бизнеса. И в годы промышленного подъема конца XIX века это им удавалось. Но с начала XX века в России наступил глубокий экономический кризис, разоривший многие предприятия, особенно мелкие. Спасаясь от разора, бизнесмены стали акционироваться, то есть объединяться в более крупные компании. Одним из первых «объединителей» стал Н. А. Бугров. В 1900 году он преобразовал свою фирму в «Товарищество паровых механических мельниц Н. А. Бугрова», включив в него всех родных и наиболее опытных специалистов мукомольного дела.

Приглашал и блиновскую фирму, поскольку совладелец ее, Макарий Николаевич, приходился ему племянником, был сыном его сестры Еннафы Александровны. Он даже предлагал ему место заместителя председателя в правлении товарищества. Н. А. Бугров был глубоко несчастлив, потому что оказался бездетным. М. Н. Блинова он считал как бы своим родным наследником.

Перед блиновской фирмой встала деликатная проблема, особенно перед Асафом. Он понимал, что в одиночку фирму ему не сохранить. А Макарий усиленно тянул его в бугровское товарищество. Но Асафу не хотелось терять самостоятельность — это завещал отец. В результате в 1902 году между фирмами Блиновых и Бугровых было достигнуто, выражаясь современно, «джентльменское соглашение», по которому Асаф сохранил за собой торговые дела, а все мельничное хозяйство вместе с Макарием ушло в руки бугровской фирмы. Но это не означало распада блиновской фирмы, обе ее части активно сотрудничали, дополняя друг друга. Тем не менее это была уже иная блиновская фирма, угасающая.

К сожалению, Макарий не оправдал надежд дяди. Вложив свою долю блиновской фирмы в общее мукомольное производство фирмы бугровской, войдя в состав ее правления, Макарий

Николаевич переложил все мельничные хлопоты на мать, Еннафу Александровну, женщину энергичную, а сам увлекся конным спортом. При мельнице в Неклюдове построил конный завод, где выращивал рысаков для царской гвардии. Состоял активным членом Нижегородского общества конного бега, даже был его казначеем. Будучи застарелым холостяком, вел беспорядочный образ жизни, расточая здоровье. В 1907 году мать и дядя сыграли ему пышную свадьбу. Невеста была из богатой старообрядческой семьи. Николай Александрович на этом пиру был посаженным отцом.

Но кратким оказалось семейное счастье Макария Николаевича: в декабре 1908 года он скоропостижно скончался на 36-м году жизни. Его смерть явилась полной неожиданностью не только для родных, но и для всего города. Так, 25 декабря 1908 года газета «Нижегородский листок» извещала читателей: «Вечером третьего дня у себя в доме на Нижнем базаре скончался Макар Николаевич Блинов, гласный городской думы, крупный коммерсант, мукомол, состоящий казначеем Нижегородского общества поощрения рысистого коннозаводства. Смерть покойного, отличавшегося цветущим здоровьем, явилась полной неожиданностью для всех знакомых. Макар Николаевич Блинов почувствовал некоторое недомогание в самом начале декабря по возвращении из Петербурга. Затем наступило облегчение... Недавно он побывал в своем имении Неклюдове, где основательно простудился, и слег. К больному вызывался из Москвы профессор Червинский, который ничего уже не мог сделать. Говорят, у больного была желтуха, которую он застудил, и болезнь перешла на печень и почки. Почти все свое крупное миллионное состояние покойный завещал молодой жене, с которой жил только 18 месяцев». В тот же день другая нижегородская газета — «Волгарь» уточнила наследство М. Н. Блинова. Его недвижимость состояла в совместном владении «с его сестрами и двоюродным братом Асафом Аристарховичем Блиновым». В нее входили «лесные

Макарий Николаевич
Блинов

имения в Поволжье и Сибири и др.». 28 декабря эта же газета уточняла, что «покойный был болен не особенно долго. Осенью он вернулся из поездки в Сибирь, куда ездил по делу своего имения, купленного несколько лет назад. Имение это заключалось в 30 тысячах десятинах, оцениваемых теперь не менее миллиона рублей, оно увеличилось в стоимости почти в 10 раз. Болезнь сердца и почек осложнилась в последние полторы недели».

Более всех смерть племянника потрясла Н. А. Бугрова. Какой-то злой рок навис над купцами Бугровыми и Блиновыми. Сам Николай Александрович Бугров трижды пытался завести семью и в 36 лет овдовел, оставшись вдовым и бездетным. А племянник, его надежда, погибает в таком же возрасте и тоже не оставив наследника.

Похороны М. Н. Блинова прошли на второй день Рождества на раскольничьем кладбище за чертой города. По старообрядческому обычаю, они были очень скромными. Даже катафалка не было, скромный гроб несли на руках. Отпевали в старообрядческом храме, сооруженном Н. А. Бугровым над могилами своих родителей.

Скоропостижная смерть М. Н. Блинова вызвала финансовые потрясения в местных деловых кругах. Выяснилось, что покойный не только богач, но и крупный должник на колоссальную сумму в 778 263 рубля. И это оказалось далеко не всё. Дядя покойного, Н. А. Бугров, во время его смерти находился в столице. Вернувшись домой, он 23 января 1909 года собрал у себя кредиторов племянника. И тут раскрылось, что долгов у него много больше — 1 миллион 224 тысячи рублей. Кредиторов было 120 человек, да и то собрались не все. Один из них предложил возложить возмещение долгов на Н. А. Бугрова. Но тот решительно отказался. Тогда кредиторы учредили специальную администрацию по делам покойного купца М. Н. Блинова сроком на два года с задачей изыскания способа погашения блиновских долгов.

Но таким оборотом дела был недоволен Н. А. Бугров. Он счел решение кредиторов унизительным для «солидной и старейшей» блиновской фирмы и обратился к председателю Нижегородского биржевого комитета Д. В. Сироткину с просьбой вмешаться в дело и собрать старейших биржевиков для пересмотра

решения кредиторов. И Сироткин, тоже старообрядец, помог Бугрову. Биржевая комиссия отвергла идею особой администрации по долгам М. Н. Блинова, сославшись на предвзятость кредиторов: среди них преобладали дальние родственники покойного, а настоящих кредиторов было немного, то есть биржевики признали комиссию кредиторов необъективной. С этим согласился главный кредитор, некто Шашин, которому М. Н. Блинов задолжал 218 тысяч рублей. И, несмотря на возражения князя Голицина и Н. И. Коленкина, биржевая комиссия поддержала протест Н. А. Бугрова [76].

Н. А. Бугров сделал благое дело: спас деловую репутацию племянника от позора, а блиновскую фирму от ликвидации. В результате фирма во главе с Асафом Аристарховичем просуществовала до 1917 года, когда ее, как и у всех «буржуев», конфисковали большевики. А Н. А. Бугров до самой своей смерти в 1911 году разбирался с долгами своего незадачливого племянника-наследника.

Вот так в нашем городе пышно расцвела и постепенно завяла оригинальная торгово-промышленная фирма Блиновых, оставившая нам в наследство красивые, добротные дома и, естественно, хороший пример честного старообрядческого предпринимательства, добрую память щедрой благотворительности.

Примечания

1. *Коробейников П. Ф.* Краткий обзор взаимоотношений государства и старообрядческой церкви // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 2000. С. 9.
2. *Макаров И. А.* Уважаемые граждане Нижнего Новгорода // Каждый род знаменит и славен. Н. Новгород, 1999. С. 77—86; *Он же.* Блиновы // Купеческий Нижний. Н. Новгород, 2006. С. 33—42.
3. *Карпенко В.* Нижегородцы-декабристы. Н. Новгород, 2004. С. 32.
4. *Короленко В. Г.* Полн. собр. соч. Киев, 1925. Т. 1. С. 200.
5. *Солженицын А. И.* Красное колесо. М., 1993. Т. 3. С. 496.
6. *Аввакум.* Житие и другие сочинения. М., 1991. С. 70.
7. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1974. Т. 10. С. 203.
8. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2003. С. 386.
9. *Мельников П. И. (Андрей Печерский).* В лесах. М., 1984. С. 19.
10. *Гациский А. С.* Нижегородка. Н. Новгород, 1877. С. 17.
11. Письма о расколе // Северная пчела. 1862. № 15.
12. *Филатов Н. Ф.* Вести Нижегородского края. Н. Новгород, 1999. С. 70—86.
13. Государственный архив Нижегородской области (ГАО). Ф. 489. Оп. 286а. Д. 23. Л. 18.
14. *Нечкина М. В.* Движение декабристов. М., 1955. Т. 1. С. 232.
15. ИМЛИ. Архив А. М. Горького.
16. *Родин Ф. Н.* Бурлачество в России. М., 1975. С. 118.
17. ЦАНО. Ф. 60. Оп. 234. Д. 73. Л. 219.
18. *Ящеров В. Я.* Цесаревич Николай Александрович в Нижнем Новгороде: (Из личных воспоминаний) // Русский вестник. 1905. Т. 5/6. С. 170—171.
19. ЦАНО. Ф. 489. Оп. 236а. Д. 23. Л. 18.
20. *Вербина Ю. Г.* Нижегородский Николаевский общественный банк: из истории организации // Проблемы совершенствования и развития банковской системы региона. Н. Новгород, 2000. С. 93.
21. *Вареницов С. Ю., Седов А. В.* Нижегородский купец Ф. А. Блинов — инициатор создания общественных банков в России // Проблемы совершенствования и развития банковской системы региона. Н. Новгород, 2000. С. 92—93.
22. Там же.
23. ЦАНО. Ф. 60. Оп. 234. Д. 17. Л. 37—43, 76.

24. *Морозов П. О.* Соляное дело // Голос минувшего. 1915. № 11. С. 151.
25. *Смирнов Д. Н.* Картинки нижегородского быта XIX века. Горький, 1948. С. 126.
26. *Маркидонова Е.* От тюрьмы да от сумы не зарекайся // Курс. 1996. № 47.
27. *Орловский.* Соль земли русской // Бизнес-ревью. 1991. 4 ноября.
28. ЦАНО. Ф. 60. Оп. 234. Д. 12. Л. 8; Д. 14. Л. 2, 7.
29. ЦАНО. Ф. 342. Оп. 1. Д. 548. Л. 3—4.
30. *Солженицын А. И.* Красное колесо. М., 1993. Т. 3. С. 496.
31. *Казаев И. Б.* Блиновы: предприниматели и благотворители // Россия и Нижегородский край: актуальные проблемы истории. Н. Новгород, 1998. С. 215—218; *Он же.* Предприниматели и благотворители Блиновы // Каждый род знаменит и славен. Н. Новгород, 1999. С. 73—77.
32. *Вареницов С. Ю.* Братья Блиновы // Борское отечество мое. Н. Новгород, 1998. С. 234—237.
33. *Макаров И. А.* Блиновы // Купеческий Нижний. Н. Новгород, 2006. С. 33—34.
34. *Архангельский С. И.* Очерки по истории промышленного пролетариата Нижнего Новгорода и Нижегородской области XVII—XIX веков. Горький, 1950. С. 172.
35. ЦАНО. Ф. 340. Оп. 2. Д. 1. Л. 36.
36. ЦАНО. Ф. 669. Оп. 317. Д. 4249. Л. 1.
37. ЦАНО. Ф. 340. Оп. 2. Д. 1. Л. 36.
38. ЦАНО. Ф. 829. Оп. 4. Д. 835. Л. 1—3.
39. Нижегородские губернские ведомости. 1885. № 10.
40. Журнал Нижегородской городской управы за 1871 год. С. 2.
41. Краткий очерк состояния городского хозяйства Нижнего Новгорода за истекшее 25-летие. Н. Новгород, 1885. С. 10.
42. Протоколы Нижегородской городской думы за 1878 год. С. 4—7.
43. Нижегородские губернские ведомости. 1885. № 10.
44. Журнал Нижегородской городской управы за 1871 год. С. 19—20.
45. *Калашников В. В.* Страницы жизни: (Воспоминания об отце). Горький, 1960. С. 33—35.
46. Краткий очерк состояния городского хозяйства Нижнего Новгорода за истекшее 25-летие. Н. Новгород, 1885. С. 10—11.
47. Нижегородские губернские ведомости. 1885. № 13.
48. Протоколы Нижегородской городской думы за 1879 год. С. 7—9.

49. Протоколы Нижегородской городской думы за 1882 год. С. 2—3.
50. Протоколы Нижегородской городской думы за 1909 год. С. 9.
51. *Филатов Н. Ф.* Нижний Новгород: архитектура XIV — начала XX века. Н. Новгород, 1994. С. 217.
52. ЦАНО. Ф. 342. Оп. 1. Д. 549. Л. 253.
53. ЦАНО. Ф. 61. Оп. 216. Д. 813. Л. 2.
54. Нижегородские губернские ведомости. 1885. № 13.
55. ЦАНО. Ф. 682. Оп. 751. Д. 266. Л. 5.
56. Волгарь. 1905. 3 октября.
57. Справочная книга по нижегородскому общественному управлению на 1908 год. С. 240—241.
58. ЦАНО. Ф. 61. Оп. 216. Д. 813. Л. 2.
59. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 1101. Л. 6.
60. Общий свод росписи городских доходов и расходов Нижнего Новгорода на 1891 год. С. 432.
61. Текст воспроизведен по Нижегородскому иллюстрированному календарю В. И. Виноградова на 1897 год.
62. Протоколы Нижегородской городской думы за 1907 год. С. 6.
63. Волгарь. 1905. 3 октября.
64. *Кочин Н. И.* Нижегородский откос. М., 1982. С. 170.
65. Церковь. 1909. № 8.
66. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Д. 49. Л. 1, 2, 5, 7, 11.
67. *Смирнов Д. Н.* Картинки нижегородского быта XIX века. Горький, 1948. С. 165—167.
68. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 1419. Л. 13.
69. Нижегородские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1883. № 43.
70. Протоколы Нижегородской городской думы за 1880 год. С. 6.
71. Сборник постановлений Нижегородского земского собрания за 1887—1893 годы. Н. Новгород, 1895. Т. 2. С. 398.
72. Нижегородские губернские ведомости. 1883. № 50.
73. ЦАНО. Ф. 400. Оп. 298. Д. 223. Л. 1.
74. Памятная книжка Нижегородской губернии на 1889 год. С. 60.
75. *Гоголева И. С.* Тайна Малиновского скита // Борское отечество мое. Н. Новгород, 1998. С. 208.
76. Нижегородский листок. 1909. 5 февраля.

Оглавление

Старообрядческий бизнес — загадка российской истории	3
Откуда Блиновы родом?	6
Нижегородское гнездо Блиновых	9
Визиты цесаревичей в Нижний	12
Общественный банк	15
«Соляная» афера	23
Блиновские мельницы	27
Городской водопровод	31
Вдовий дом	38
Малиновский скит	43
Голод 1891 года	46
Угасание блиновской фирмы	49
Примечания	54

49. Протокол Нижегородской городской думы за 1882 год. С. 2-3.

50. Протокол Нижегородской городской думы за 1887 год. С. 2-3.

51. Филатов М. Ф. История Нижегородской губернии XIX века. Н. Новгород, 1994. С. 117.

52. ЦАНО. Ф. 542. Оп. 216. Д. 81. Л. 2.

53. ЦАНО. Ф. 61. Оп. 216. Д. 81. Л. 2.

54. Нижегородская губерния. Статистическое описание. М., 1881. № 13.

55. ЦАНО. Ф. 62. Оп. 75. Д. 81. Л. 2.

56. Восток. 1905. 3 сентября.

57. Статистическая книга по Нижегородской губернии за 1908 год. С. 240-241.

58. ЦАНО. Ф. 61. Оп. 216. Д. 81. Л. 2.

59. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 5. Д. 100. Л. 2.

60. Общий свод речных судов в лоцмане в расходе Нижегородского на 1891 год. С. 23.

61. Титулярный советник Нижегородскому губернатору Ивану Ивановичу Писареву на 1877 год.

62. Протокол Нижегородской городской думы за 1907 год. С. 2-3.

63. Восток. 1905. 3 сентября.

64. Крива Н. А. Нижегородская губерния. М., 1882. С. 100.

65. Восток. 1909. № 3.

66. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 216. Д. 81. Л. 2.

67. Селиванов Д. М. Нижегородская губерния XIX века. Горький, 1964. С. 155-157.

68. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 5. Д. 100. Л. 2.

69. Нижегородская губерния. Статистическое описание. М., 1881. № 43.

70. Протокол Нижегородской городской думы за 1887 год. С. 2-3.

СЕДОВ Андрей Васильевич

**КУЩЫ-СТАРООБРЯДЦЫ
БЛИНОВЫ**

Редактор *Т. И. Пелевина*

Корректор *И. А. Кокорина*

Компьютерная верстка *О. В. Кондрашиной*

Оригинал-макет подписан в печать 05.02.2007 г.
 Формат 60 × 84^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
 Печать офсетная. Усл.-печ. л. 3,5. Тираж 100 экз. Заказ 1393.

Нижегородский гуманитарный центр,
 603122, Н. Новгород, ул. Ванеева, 203.
 E-mail: ngc1@yandex.ru

Отпечатано в типографии Нижегородского гуманитарного центра.